НЭНСИ
Найт

ПРЕДАТЕЛЬ

Ты не узнаешь о сыне

Измены

Нэнси Найт

Предатель. Ты не узнаешь о сыне

«Автор»
2024

Нэнси Найт

Предатель. Ты не узнаешь о сыне / Нэнси Найт — «Автор», 2024 — (Измены)

Я думала, что Радов давно обо мне забыл. Полтора года назад он предал меня, разбил сердце, и я ушла, скрыв свою беременность.Но теперь он снова ворвался в мою жизнь и хочет окончательно ее разрушить. Только я не позволю ему забрать сына, чего бы мне это ни стоило...***– Ты предала меня и скрыла моего сына, – рычит Радов, нависая надо мной черной тучей.– Мой ребенок не имеет никакого отношения к тебе, – пытаюсь говорить уверенно, но еле дышу от страха и закрываю своим телом коляску, в которой сладко спит наш сын. – Оставь меня в покое!– В машину ее, – командует Радов, подзывая охрану. – Прямо сейчас мы едем в клинику, Софи. И если тест подтвердит мое отцовство, то ты горько пожалеешь, что скрывала ребенка.

© Нэнси Найт, 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 31
Глава 13 33
Глава 14 36
Глава 15 38
Глава 16 41
Г 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Предатель. Ты не узнаешь о сыне

Глава 1

Нервно тереблю салфетку в ожидании, когда Усманов уже перейдет к тому важному разговору, ради которого он назначил мне встречу в этом ресторане. В том самом, где мы с Радовым не раз встречались с инвесторами до того момента, как я с ним разорвала отношения и уволилась.

Радов жестоко предал меня и разбил сердце, а я скрыла от него свою беременность, чтобы обезопасить себя и своего малыша от этого беспринципного чудовища. Прошло чуть больше года, и моя боль утихла, но здесь и сейчас вновь ожила, поднимая с глубин воспоминания, которые возвращают меня в прошлое.

— Ну, рассказывай, как тебе дается работа с грудничком? — интересуется Усманов. — Тянешь нагрузку?

— Конечно, Андрей Владимирович, — уверенно киваю я. — А вас что-то не устраивает?

— Что ты, — усмехается Усманов. — Просто интересно, как тебе это удается.

После ухода из фирмы Радова мне было просто необходимо найти работу с тем же уровнем доходов, что и прежде. И дело было вовсе не в возросших аппетитах, а в том, чтобы покрывать расходы по ипотеке за квартиру, которую я взяла накануне увольнения. И тогда я была вынуждена воспользоваться предложением конкурента Радова, который давно хотел меня переманить.

В декрет я ушла почти перед самыми родами, а когда сыну исполнилось три месяца, по просьбе Усманова я вернулась на работу в удаленном формате. Мне пришлось пойти на этот шаг, потому что декретных денег едва хватало на жизнь.

— Справляюсь, — улыбаюсь я, а сама прокручиваю в голове свои бессонные ночи, после которых еще и работать приходится. — Сын у меня весьма спокойный, от работы не отвлекает. Вот только сейчас у него зубы режутся, и стало немного сложнее. Но я уже ищу няню, чтобы она мне помогала и занималась с сыном, пока я занята. Правда, пока хорошую найти не удалось.

— А сейчас с ним кто? — удивляется Усманов, потому что знает, что я одинокая мама.

А вот о том, кто отец моего сына, я ему не призналась. Он, конечно, выручил меня с работой в трудный момент моей жизни, за что я ему очень благодарна. Но все же отец моего ребенка — его злейший конкурент. И лучше об этом вообще не распространяться, иначе тайное может быстро стать явным.

— Я сестру попросила с ним посидеть, — отвечаю на его вопрос. — Но ей домой долго добираться, так что мне надо поскорее вернуться домой, чтобы не создавать ей неудобств.

— Понял, тогда перейдем к сути, — кивает Усманов, и я тут же напрягаюсь.

Кажется, его вопрос о том, справляюсь ли я с работой, прозвучал не просто так. Вполне возможно, он нашел мне замену и хочет вернуть меня обратно в декрет, а пригласил в ресторан, чтобы смягчить удар.

— Кстати, очень хорошо, что ты уже подыскиваешь няню, — продолжает он. — У моего приятеля есть свое агентство по подбору домашнего персонала. Попрошу его помочь с твоим вопросом и подобрать для тебя лучших специалистов. Пообщаешься с ними и выберешь ту, которая тебя больше устроит. Расходы за няню я возьму на себя.

— Спасибо, Андрей Владимирович, за помощь, только няню я буду оплачивать сама. Это мой ребенок, и вы уж точно не обязаны…

— Буду обязан, если ты примешь мое предложение, — прерывает меня Усманов.

— И что за предложение? — настораживаюсь я.

— Ты очень нужна мне в офисе, и я хочу, чтобы ты вышла на работу как можно скорее, — сообщает он то, ради чего мы и встретились здесь.

Предложение явно не из разряда тех, где я могу выбирать. Усманов деловой человек и смотрит на все с точки зрения бизнеса, и это я четко понимаю. Раз он сказал, что я нужна ему в офисе, значит, это не просто прихоть, а необходимость. А если я откажусь, то есть большая вероятность, что и с удаленкой мне придется распрощаться. Ведь если мне найдут замену в офисе, то во мне не останется нужды.

Вот только сын у меня совсем еще маленький, ему нужна мама, которую няня ему не сможет заменить. А если я выйду на работу, то смогу быть с ним всего пару часов до сна. А это очень, очень мало!

— Как скоро я должна выйти на работу? Месяца через два вас устроит? — все же решаюсь спросить я.

— Я рассчитывал, что ты выйдешь уже на следующей неделе, — задумчиво произносит он и добавляет: — Не волнуйся, у твоего сына будет лучшая няня, и он даже не заметит твоего отсутствия.

Не заметит… Я ведь его мама! Конечно же, он заметит, что с ним чужая женщина. Будет плакать целыми днями без меня. От одной мысли об этом сердце кровью обливается. Но выбора у меня все равно нет.

— Хорошо, Андрей Сергеевич, я согласна выйти на работу, как только найду няню, — отвечаю более абстрактно, чтобы у меня был хоть какой-то запас времени, прежде чем я оставлю Ваню только с нянечкой.

— Отлично, — Усманов расплывается в довольной улыбке. — Я еще хотел…

— Простите, пожалуйста, — прерываю его, увидев, что на мобильный звонит сестра. — Я отойду на пару минут, хорошо? Вдруг у сына что-то случилось?

— Само собой, — понимающе кивает Усманов, и я быстро шагаю в зону без столиков, чтобы поговорить в более тихом месте и не привлекать к себе внимания.

— Да, Тай. Что-то случилось? — обеспокоенно спрашиваю я, поднимая трубку.

— Сонь, да нормально все, не волнуйся ты так, — отвечает сестра, вмиг уловив мою интонацию. — Просто я Ваню спать собираюсь положить. Мы уже с ним помылись, но я не могу найти чистых памперсов на той полке, которую ты мне показала.

— А, — выдыхаю я. — Тогда выдвини ящик под его кроваткой, там лежит запечатанная упаковка. Как он вообще? Плачет без меня?

— Не единой слезинки не обронил, — гордо заявляет сестра. — Мы вдвоем отлично справляемся.

Тая с мужем уже несколько лет пытается завести ребенка, но пока никак не получается. Поэтому Ваня стал для нее отдушиной. С его появлением она стала чаще навещать меня, чтобы повозиться с племянником.

— Я очень рада, что у вас все хорошо, — улыбаюсь я и добавляю: — Уже скоро освобожусь, так что я тебя еще недолго задержу. И спасибо еще раз, что согласилась посидеть с ним.

— Без проблем, не торопись, — отмахивается сестра. — Я попросила Андрея забрать меня в одиннадцать, так что у тебя еще два часа есть.

— Поняла тебя. Ой, а включи громкую связь! Хочу попрощаться с Ванечкой перед сном.

— Говори, — отзывается через несколько секунд сестра.

— Спокойной ночи, котик. Я тебя очень-очень сильно люблю и уже дико соскучилась. Приятных тебе снов!

В ответ слышу гуление сыночка, словно он все-все понял и тоже желает мне спокойной ночи. Конечно, все понимать он еще не может, но мне приятно думать именно так.

— Пока, — добавляю напоследок и завершаю разговор с улыбкой на губах.

— С кем говорила? — раздается над ухом до боли знакомый голос. Голос того, кого я так старалась забыть и надеялась больше не встретить.

Глава 2

От ужаса сердце опускается в пятки, а кожа покрывается мурашками. Молюсь, чтобы это была просто галлюцинация, но, повернув голову, вижу рядом с собой Радова, который сверлит меня взглядом, прожигающим дыры в израненном сердце.

Он слышал мой разговор по телефону? Неужели обо все догадался?!

Паника накрывает меня, но я нахожу в себе силы ответить с холодом и небрежностью:

— Это не твое дело!

Делаю шаг вперед, чтобы поскорее избавиться от компании Радова, но он тут же преграждает путь, вырастая передо мной нерушимой скалой.

— А твой любовник в курсе, что у тебя есть еще один? — зло усмехается он. — Или сколько их у тебя? Три, пять, может, десять? Ты ведь всегда ищешь более сытную кормушку, и на одной не остановишься.

— Какой любовник? Что ты вообще несешь? Уйди с дороги! — фыркаю я, возмущенная его колкими и необоснованными обвинениями.

Снова делаю несколько шагов в сторону, но он ловит меня за руку и резко разворачивает на себя. Возмущение захлестывает меня, и я, не отдавая отчет своим действиям, замахиваюсь рукой, чтобы влепить Радову пощечину. Вмиг он останавливает меня, хватая за запястье, а я в ужасе смотрю на него и хлопаю глазами.

Боже, да что на меня нашло? Он ведь размазал бы меня по стенке, если бы не остановил…

Радов сжимает челюсти так крепко, что на них выступают желваки, а в его темных глазах вспыхивает неописуемая ярость, и в них читается лишь одна фраза: ты крупно влипла, Соня…

С утробным рычанием, словно дикий зверь, Радов впечатывает меня в стену и ставит руки по обе стороны от меня, отрезая пути к отступлению. Его лицо чернее тучи, а из глаз вот-вот вылетят молнии. А меня сковывает неописуемый страх, и я даже дышать перестаю.

— Ты думала, что я ни о чем не узнаю?! — выдыхает он в мои губы, но не с былой страстью, а со жгучей ненавистью.

— О чем? — едва слышно спрашиваю я, но уже понимаю, что речь о нашем сыне.

— Ты променяла меня на этого подонка Усманова! — зло цедит он, и у меня будто камень с души падает. — Строила из себя невинную овечку, а сама только и поджидала момент, как бы убежать к этому уроду и выложить ему все секреты фирмы! Сколько он тебе заплатил за твое предательство?

— Это ты мне говоришь о предательстве? — возмущаюсь, хотя сейчас я совсем не в том положении, чтобы показывать свой характер.

— Не прикидывайся! Я вижу тебя насквозь! И, поверь, твое предательство теперь тебе с рук не сойдет.

— Радов, какого черта ты тут делаешь? — звучит возмущенный голос Усманова, и я бросаю на него взгляд с мольбой о помощи.

— В гости решил заглянуть, — нагло усмехается он, не отводя от меня взгляда, из которого так и хлещет презрение.

Но, ничего, переживу как-нибудь. Пусть ненавидит, пусть презирает. Мне все равно. Лишь бы не узнал о нашем сыне.

— Идем, София, тебе уже пора домой, — босс хватает меня за руку и вытаскивает из капкана рук Радова, притягивая к себе.

— Спасибо, — шепчу я и хватаюсь за его плечо, потому что едва стою на ногах.

Но даже теперь я не чувствую себя в безопасности.

— Правильно, защищай свою шестерку. Потому что защита ей теперь точно понадобится, — пренебрежительно отзывается обо мне Радов.

— Ты же вообще не понимаешь, о чем говоришь, — качает головой Усманов, взмахивает рукой, и за нашими спинами вырастают охранники. — Сам уйдешь из моего ресторана, или помочь?

— Угрожаешь, а сам прячешься за спинами своих псов? — скалится Радов, сдвинув черные брови к переносице.

— Я не собираюсь марать об тебя руки. Но воплощу свои угрозы в реальность, если еще раз приблизишься к Софии. Она не твоя игрушка, и ты не имеешь права так с ней обращаться.

— А чья она игрушка, твоя? — со злобной усмешкой произносит Радов, и мне становится мерзко от мысли, что я когда-то посмела влюбиться в этого мерзавца.

— София, иди с Олегом, он проводит тебя до машины и отвезет домой, — обращается ко мне босс.

— Хорошо, — выдыхаю я и на негнущихся ногах покидаю ресторан.

Голова кружится словно чумная, а пелена слез застилает глаза. Я очень старалась держаться и не дать слабину, пока Радов был рядом, но больше нет сил терпеть. Слезы облегчают боль, я это уже знаю. Поэтому нет смысла их сдерживать, когда уже никто не видит.

Сажусь в черную тонированную иномарку и зажмуриваю глаза. За что он так со мной? Это ведь у него была другая, пока мы были вместе. Это он меня предал! Хотя для него это наверняка было не предательство, а просто очередное развлечение. Но почему сейчас вел себя так, будто все было наоборот?

Да, я ушла работать к его конкуренту, но только из-за того, что Радов не оставил мне выбора. И любовной связи с новым боссом у меня никогда не было и не будет, хоть Радов почему-то считает иначе. Я не променяла его, это он променял меня, и я была вынуждена уволиться! И разве после такого я должна была считаться с его мнением и отказываться от хорошего предложения по работе только из-за того, что новый босс — конкурент бывшего?

Он поступил так, как ему хотелось, и я сделала то же самое. Мы с ним слишком разные, и только слепой мог не заметить, что у нас ничего не выйдет. Но тогда я, действительно, была слепа из-за чувств, что вскружили голову. А когда сказка закончилась, я поняла, какой же дурой была, что поверила ему.

Мы ничем не обязаны друг другу, но, похоже, Радов считает иначе. Прошло столько времени, а он, едва меня увидел, стал бросаться на меня с обвинениями. Такими колкими, едкими и неправдивыми. И как же больно было слышать это от него!

Раз я была для него очередным развлечением, игрушкой, то почему он просто не прошел мимо?

Расстались мы на плохой ноте, но даже это не повод переходить в такую агрессию при встрече через столько времени. Единственное, что было бы правильно с его стороны, так это извиниться за подлый обман.

Но зачем ему это? Он ведь никогда меня и не любил — только так я могу объяснить его поступок. А вот я любила его всем сердцем, и с огромным трудом пережила наш разрыв. Единственное, что меня спасло в тот момент — это наш малыш, которого я носила под сердцем.

Было глупо надеяться, что я никогда больше не встречусь с Радовым. Столица, конечно, огромная, но даже здесь происходят случайные встречи, которых совсем не ждешь. Да, я предполагала, что когда-нибудь мы можем столкнуться вновь. Но искренне надеялась, что этого не случится. И уже тем более не предвидела, что это произойдет так скоро…

Но что будет дальше? Исчезнет ли он из моей жизни вновь, или самое время покинуть столицу и уехать в глушь, где он никогда не найдет ни меня, ни нашего сына? Хотелось бы надеяться, что сегодняшняя встреча станет нашей последней. Но Радов пообещал, что я заплачу за свое предательство. А такие обещания он выполняет всегда…

Глава 3

Полтора года назад…

Тело пробивает сладостная дрожь, и я обессиленно падаю на кровать в объятия Романа.

— Ты восхитительна, — прерывисто шепчет он и нежно целует мое плечо.

Закусываю губу и расплываюсь в улыбке, зарываясь пальцами в его темные и густые волосы. Смотрю в его бездонные карие глаза, и сердце в груди начинает биться еще чаще.

Кажется, я еще никогда не была так счастлива. Оттого мне так страшно сообщить ему о своей беременности, о которой я только вчера узнала. За то недолгое время, что мы вместе, у нас ни разу не возникало разговора на тему семьи и детей. И я не совсем уверена, что он будет рад услышать мою новость.

С самого начала я понимала: если такой богатый и красивый мужчина к тридцати пяти годам не обзавелся семьей, значит, он к этому и не очень-то стремится. Но и в мои планы не входило забеременеть и поскорее выскочить за него замуж. Я просто наслаждалась мгновениями рядом с ним и надеялась, что со временем наши отношения вырастут во что-то большее.

А еще я планировала построить карьеру и самостоятельно наладить свою жизнь, потому что никогда не хотела зависеть только лишь от мужчины, пусть даже и любимого. Но на что бы я ни рассчитывала, а судьба внесла свой корректив… Я исправно принимала противозачаточные таблетки, которые назначил мне врач-гинеколог. Но даже этот супер-надежный метод предохранения дал осечку. И теперь я имею то, что имею. Но как бы то ни было, я очень рада, и во что бы то ни было сохраню своего малыша.

— О чем задумалась? — ласково шепчет мне он и впивается губами в мою шею, намекая на продолжение.

— Подожди, я хотела с тобой поговорить, — выдыхаю я и дрожащими руками пытаюсь отстранить его.

— Говори, — лукаво отзывается он и опускается ниже, покрывая мое тело влажными поцелуями, вызывая новую волну желания.

Нет, так точно разговор не выйдет…

Внезапно раздается громкий звук захлопнувшейся входной двери. Рома с тревожным видом тут же подскакивает с кровати и спешно натягивает брюки, даже не надев белье.

— Кто это? — испуганно бормочу я.

— Без понятия, сейчас разберусь. Жди здесь! — строго произносит они выходит из комнаты, хлопнув дверью.

Я точно помню, что замыкала входную дверь, когда вошла в дом. И если ключей ни у кого больше нет, то на ум приходит только один вариант — воры! Ужасаюсь от своих же мыслей и подрываюсь с кровати, чтобы поскорей одеться и иметь возможность сбежать в случае необходимости.

— Я приехала! — слышится тонкий женский голос, и я замираю в ступоре.

Кто это может быть? Его мама? Нет, голос слишком молодо звучит. Сестер у него нет, насколько я знаю. Может, горничная? Хотя стала бы она обращаться к нему по имени, да еще и кричать на весь дом? Вряд ли.

Мелкими шагами подхожу к двери, прижимаюсь к ней ухом и прислушиваюсь.

— Что ты здесь делаешь? — слышу его голос, доносящийся с первого этажа.

— А ты что, не рад меня видеть? — раздается ехидный женский голос.

— Ты не вовремя, — резко произносит он, на что девушка отвечает такое, что повергает меня в полный шок.

Сердце обрывается и камнем падает вниз. В ужасе я отшатываюсь от двери и прячу лицо в ладонях. Нет, не может этого быть!

Глаза накрывает пелена слез, а тело пробивает нестерпимая дрожь. Происходящее кажется каким-то дурным сном! Но, очевидно, все реально.

Единственное, о чем сейчас могу думать — нужно поскорее убраться отсюда. Не хочу больше видеть его наглую, лживую физиономию! Быстро натягиваю свою одежду, подхватываю сумочку и осторожно открываю дверь комнаты. Выскальзываю в коридор и на носочках крадусь к запасной двери, находящейся в противоположной стороне дома. Слезы ручьями бегут по щекам, а в ушах слышится лишь шум крови, прилившей к голове, и глухие голоса, к которым я даже не хочу прислушиваться.

Выхожу из дома и босыми ногами бегу по газону. Выскакиваю за ворота и в спешке вызываю такси, чтобы поскорее уехать и больше никогда не возвращаться.

Как он мог?!

Лжец! Предатель!

Низ живота неприятно тянет, и я инстинктивно накрываю его ладонями. Мне нужно остановить эту истерику и успокоиться ради своего малыша. Если еще и ребенка потеряю, то просто сойду с ума.

Сама не знаю, как я поверила в сказку, в которой Радов оставляет свою развеселую жизнь и бросает все к моим ногам… Сама поверила, и сама же разбилась о скалы собственной веры. И теперь просто не представляю, как прийти в чувства и продолжать жить дальше. Все было так замечательно, но рухнуло в один миг. У него есть другая…

Приехав в свою новую квартиру, о которой Радов не знает, я проревела всю ночь, захлебываясь в собственном горе. А утром взяла себя в руки и стала думать, что же мне теперь делать.

Копаясь в своих мыслях, я приняла единственно правильное решение: Радов не должен узнать о том, что я жду от него ребенка. Я не хочу быть частью его жизни, а это может произойти, если нас будет связывать общий ребенок. Но самое страшное произойдет, если он заставит пойти меня на аборт, чтобы я не создавала лишних проблем. Ведь кто я для него? Просто очередная любовница, которая случайно залетела.

И хоть я не знаю наверняка, как он поступит, но не могу позволить себе рисковать своим ребенком. Поэтому я сделаю все, чтобы сохранить свою тайну.

***

Опухшее от слез лицо я едва привожу утром в порядок, но до сих пор ощущаю тяжесть опухших век. Вхожу в офис, но словно иду на казнь. Не представляю, как буду смотреть Роме в лицо и что буду чувствовать при этом.

Так плохо мне еще никогда не было, а при встрече с ним будет еще хуже. Но я должна себя перебороть и непоколебимо устоять те несколько минут, которые мне потребуются, чтобы уволиться.

Сжимаю в ладони папку с заявлением на увольнение и замираю перед кабинетом Радова, занеся руку над дверью. Внутри меня все сопротивляется. Не хочу входить, не хочу видеть его лживую физиономию, но другого выхода у меня просто нет. Без его участия я не смогу получить увольнение.

Гулко выдыхаю, несколько раз стучусь в дверь и тут же распахиваю ее. Вижу Рому и просто перестаю дышать. На его лице отражается недоумение и злость.

Заставляю себя отмереть и уверенно шагаю вперед, а затем небрежно кладу свое заявление перед ним на стол.

— Что это? — хмурится он, глядя на меня.

Сердце до боли сжимается в груди от его голоса.

— Заявление на увольнение, — отвечаю я, стараясь выглядеть спокойной и равнодушной.

— Это из-за того разговора, что ты услышала? — произносит он свою догадку.

— И из-за этого тоже, — киваю я. — Но я не собираюсь обсуждать с тобой свое решение. Просто подпиши, и я уйду.

— А я собираюсь обсуждать, — сурово отвечает он и поднимается с кресла, заставляя меня попятиться назад.

— Я даже не представляю, о чем тут можно говорить, — мотаю я головой. — Я все слышала и после этого не могу оставаться с тобой.

— Если ты боишься, что Лиза нам будет мешать, то очень зря. Я этого не допущу, — с полной серьезностью произносит он, останавливаясь в паре метров от меня.

Какой же он подлец! Она не помешает…

— И насчет ребенка можешь не беспокоиться, — продолжает он, а у меня глаза лезут на лоб.

Сердце опускается в пятки. Она еще и беременна! Боже, как же я могла так влипнуть?!

— Даже не продолжай, достаточно, — останавливаю его жестом, испытывая безумное разочарование в этом мужчине. — Между нами все кончено, и никакие твои слова этого не изменят. Я не хочу быть с тобой. И вообще, решила уехать из города. Так что не трать свое время на бессмысленную болтовню и подпиши заявление.

Про переезд я говорю специально, чтобы он не продолжил меня преследовать, если не смирится с моим отказом.

Небрежным росчерком Радов подписывает мое заявление и протягивает его мне, испепеляя меня гневным взглядом.

— Распоряжусь, чтобы немедленно оформили твое увольнение и сделали полный расчет, чтобы ты здесь больше не появлялась, — ледяным тоном произносит он. — Если ты испугалась малейших трудностей и наплевала на то, что было между нами, то нам с тобой точно не по пути. Убирайся с моих глаз.

Выхватываю заявление из его рук и выбегаю из его кабинета, не видя ничего вокруг. Слезы душат, и я просто схожу с ума оттого, что весь этот кошмар происходит на самом деле.

Мне очень больно, и боль эта уйдет нескоро, как и любовь к мужчине, который обманул меня и втоптал мои чувства в грязь. Но я обязательно справляюсь со своими чувствами и со всеми трудностями, что будут у меня на пути. Я сделаю все от меня возможное ради счастливого будущего своего малыша. И постараюсь стать счастливой сама. Но для этого мне нужно выкинуть Радова не только из своей жизни, но и из своего сердца…

Глава 4

Роман Радов

— Босс, он тут с девушкой ужинает, — сообщает мне Сергей, который по моему поручению уже который месяц следит за Усмановым.

После того как Усманов украл один из моих грандиозных проектов, я пытаюсь найти возможность ему отомстить: ищу компромат, который очернит его перед общественностью, или вовсе обрушит его фирму. Но пока на руках у меня абсолютно ничего.

— С той, что ты подослал? — незаинтересованно спрашиваю я, потому что уже нет надежды на то, что Сергей сможет сделать что-то стоящее.

Или пора искать другого человека для этого дела, или Усманов чист, как слеза, что вряд ли возможно с его-то нынешним положением.

—Нет, не она, — отвечает Сергей. — Эту вообще первый раз ее вижу.

— Любовница, может?

— Очень на то похоже.

— Пришли мне ее фото. Попрошу ребят пока пробить, кто она, — отдаю распоряжение и кладу трубку.

Через несколько минут получаю фотографию от Сергея, и внутри все обрывается. Глазам своим поверить не могу. Всматриваюсь в фото, чтобы быть уверенным в том, что мне не показалось, но ошибки быть не может — это Софи. Моя Софи! Та самая, которая заставила меня вновь поверить в любовь, а потом растоптала мои чувства в хлам и ушла не задумываясь. И я сделал вывод, что она меня никогда и не любила, раз малейшая трудность заставила ее порвать со мной. И этой трудностью для нее стала моя беременная бывшая, которая для меня вообще больше ничего не значила, и я даже не был уверен, что ребенок мой.

Вот только бояться Софи было нечего. Все, что нужно было от меня Лизе — это деньги. Как только она родила, а я удостоверился в том, что ребенок действительно, мой, она оформила алименты и снова укатила куда-то вместе со своим новым мужем, с которым когда-то изменяла мне.

А я и не был против ее отъезда. Да, я давно задумывался о том, что хочу завести семью, растить сына, но для этого рядом должна быть любимая женщина. А к Лизе я не уже давно не испытывал ничего, кроме неприязни, и не собирался ее держать рядом с собой только для того, чтобы видеться с ребенком.

Софи тоже предала меня, но с ней оказалось все иначе. Она ушла, и я был уверен, что быстро переживу это. Решил, что такая, как она, мне точно не нужна. Заливал свое горе в окружении моделей, которые должны были меня отвлечь, но получал обратный эффект.

В загульные вечера на меня наказывала такая тоска, что один раз я все-таки поехал к ней домой, но там жили уже другие люди. Я думал, она уехала, как и обещала, и я не стал ее искать. Да и был ли в этом смысл? Найти ее для того, чтобы она меня еще раз послала и плюнула в душу? Своеобразное удовольствие для особо искушенных.

Но теперь, когда я вижу ее фото вместе с Усмановым, все становится на свои места. Она и не уезжала никуда, а осталась в Москве и ушла от меня не просто в пустоту, а к Усманову.

Эта мысль выжигает и без того прожженную душу. Мой злейший враг, мой конкурент, который бесконечно пытается подорвать мой бизнес, теперь еще присвоил себе мою женщину!

Пытаюсь успокоить себя тем, что Софи сама предала меня, переметнувшись к Усманову, и винить нужно только ее. Но что-то от этой мысли легче не становится. Наоборот, она разжигает еще большую злость. И, недолго думая, я собираюсь и еду в тот чертов ресторан, где сейчас находится Софи.

После того как Усманов выкупил долю этого заведения, я больше там не появляюсь. Но сейчас мне плевать, что это его заведение. Я хочу увидеть Соню, посмотреть ей в глаза и… Не знаю, зачем мне это нужно, но хочу. Это желание сильнее меня. Какая-то неведомая сила движет мной.

Вхожу в ресторан, и сердце подскакивает к горлу и пропускает удар, когда я вижу ее. Она разговаривает с кем-то по телефону, улыбается. Счастливая. Живет своей жизнью и плевать хотела, что разбила мне сердце, еще и спуталась с этим проклятым Усмановым!

Подхожу ближе, когда она отворачивает голову, и слышу ее телефонный разговор:

— Спокойной ночи, котик. Я тебя очень-очень сильно люблю и уже дико соскучилась. Приятных тебе снов!

Черт! Она оказалась еще хуже, чем я думал. Мало ей только Усманова, у нее есть еще кто-то. Прожженная стерва! И как я не разглядел этого раньше? Казалась святой, а на деле…

— Пока, — завершает телефонный разговор, и я подхожу к ней.

***

И какой черт меня вообще дернул сюда приехать? Думал, станет легче, когда увижу ее и выскажу все, а вышло наоборот. Мерзавка вновь всколыхнула чувства, которые, как мне казалось, давно испарились. Ее голос и улыбка, которую она дарила сегодня не мне, возродили во мне былые воспоминания, будто и не было этого года в разлуке. Только взгляд у нее был такой обозленный, словно это я заставил ее страдать, а не она меня.

И что теперь делать? Забыть и смириться с тем, что она теперь с Усмановым? Ну уж нет! Я так долго искал возможность испортить жизнь этому гаду и, кажется, нашел. Они оба заплатят за все!

Глава 5

В полной прострации возвращаюсь домой. Тихонько, чтобы не разбудить Ваню, отпираю дверь и вхожу в квартиру. Стягиваю туфли с отвыкших от каблуков ног и плетусь на кухню, где меня встречает сестра.

— Ты чего такая разбитая? — спрашивает Тая. — Новости плохие?

— Да нормальные новости, — без энтузиазма отвечаю я, пожимая плечами, и без сил опускаюсь на стул. — Босс хочет, чтобы я вышла на работу в офис. Няню оплатить обещал, прибавку…

— Вот это да, — протягивает сестра. — И ты из-за этого расстроилась? Ну, правильно, Ваня ведь еще совсем маленький, как он без мамы будет. Но ты ведь можешь и отказаться. Или не можешь и поэтому расстроена?

— Да не в этом дело, — вздыхаю я. — Просто столкнулась с одним неприятным человеком и теперь думаю, что мне делать дальше.

— С каким еще человеком? Сонь, объясни по-человечески. Чего я из тебя все клещами вытаскиваю?

— С отцом Вани, — отвечаю, подняв на сестру отчаянный взгляд. — Он мне столько всего наговорил… Будто это я его использовала, а не он меня.

— Сволочь! Да от него другого можно было и не ждать. Ну и черт с ним, не расстраивайся ты так из-за него. Что уже поделаешь? Ничего. Как встретились, так и разбежались опять. Вряд ли тебе так уж повезет столкнуться с ним снова. Сколько прошло времени с вашей последней встречи? Больше года?

— Тай, да ты не понимаешь, — мотаю я головой. — Его слова я переживу как-нибудь. Я другого боюсь.

— Чего именно?

— Он же теперь знает, что я никуда не уехала. А еще считает, что я сплю с его конкурентом. Поэтому боюсь, что он теперь не оставит меня в покое, захочет жизнь мне испортить, — меня аж передергивает, когда я произношу это вслух.

— И зачем ему это? — кривится сестра.

И правда, зачем?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Но если бы ему было все равно, стал бы он сегодня подходить ко мне и говорить все то, что произнес? Очевидно, его задело, что я теперь с Усмановым. Пусть у нас с боссом только рабочие отношения, но для Радова это не имеет никакого значения. Я знаю его нрав и почти уверена, что он это просто так не оставит. И если захочет меня найти, то может узнать о Ване.

— Ну и что? — разводит сестра руками, не видя в этом никакой проблемы. — Даже если он и узнает, что у тебя есть сын, то как поймет, что он его отец? В теории ты ведь могла встречаться с кем-то после него.

— Да Ваня ведь копия отца! — на эмоциях отвечаю я, углубляясь в свои опасения. — Нужно быть слепым, чтобы не понять, что это его сын.

— В этом ты права, конечно, — соглашается сестра. — Я хоть и видела этого Романа только на фото, но сходство у них с Ванюшей поразительное. Но я думаю, тебе нечего волноваться. Даже если он и поймет, что Ваня — его сын. Что дальше? Думаешь, он ему сильно нужен? Ты ведь сама говорила, что у него и жена, и ребенок. Только спасибо тебе скажет за что, что ты избавила его от обузы.

— А если не скажет? Если потребует видеться с сыном? Не хочу этого. Я ушла и скрыла беременность не для того, чтобы сейчас он снова ворвался в мою жизнь!

— И какие у тебя на уме варианты? — вздыхает Тая, накрыв мою ладонь своей.

— Продать квартиру и уехать куда-нибудь, — отвечаю я. — Не хочется, конечно, я ведь уже так привыкла к Москве, да и зарплату такую больше нигде не найду. Но уж лучше так, чем рядом с Радовым. После сегодняшнего я думаю, что он способен на все.

— Не знаю, Сонь, не знаю. Мне все еще кажется, что твои переживания напрасны, но тебе виднее. И решать только тебе.

Телефон Таи начинает вибрировать, и она тут же встает из-за стола и спешно идет в коридор:

— Все, я побежала. Андрей приехал. Не хочу его заставлять ждать, а то он же уставший после работы, голодный.

— Конечно, беги, — понимающе отвечаю я и прощаюсь с сестрой.

Как бы и мне хотелось такого любящего и заботливого мужа, как у Таи. Но выбрала я абсолютно другого мужчину, от которого теперь вынуждена скрываться.

***

Проснувшись утром под кряхтения сына, я нехотя поднимаюсь с постели после почти бессонной ночи, подхожу к кроватке и умиляюсь его прекрасному светлому личику. Моя единственная радость, мое счастье. Ради него я готова на все.

— Доброе утро, котик, — ласково протягиваю я и беру малыша на руки.

Переодеваю его и иду вместе с ним на кухню, чтобы приготовить завтрак. После вчерашнего чувствую себя прескверно, а в голове пустота. Перед сном я долго думала, пыталась найти наиболее верный выход из ситуации, но так ни к чему и не пришла.

Из спальни раздается звонок мобильного телефона, и я спешу поднять трубку, пока Ваня сидит в своем стульчике для кормления и размазывает по нему кашу. Художником будет, не иначе.

— Доброе утро, Андрей Владимирович, — отвечаю я на столь ранний звонок босса.

— Доброе утро, София. Я вчера вечером договорился со своим приятелем насчет подбора няни. Ты сегодня сможешь подъехать в агентство?

— Сегодня? — переспрашиваю я, немного расстроенная тем, что Усманов очень быстро подсуетился с няней.

Что ему теперь сказать? Что увольняюсь, и никакая няня мне уже не нужна? Хотя какое сейчас увольнение? Чтобы куда-то уехать, квартиру еще нужно продать, а это может затянуться. Нет, работа мне сейчас нужна и даже очень.

— Не получится? — уточняет Усманов.

— Я спрошу у сестры, сможет ли она сегодня еще раз посидеть с сыном, и перезвоню вам.

— Отлично. И договорись с ней еще насчет завтрашнего дня, если вдруг новая няня не сможет. Потому что завтра ты очень будешь нужна мне в офисе, — с тяжелым вздохом произносит Усманов, и я понимаю, что отказывать тут точно нельзя.

— Хорошо, Андрей Владимирович, я очень постараюсь, — отвечаю ему и кладу трубку.

Тут же звоню Тае, которая в это время уже точно не спит, потому что всегда собирает мужа на работу. И к моей удаче она соглашается приехать, да еще и на два дня, с ночевкой. А уже через несколько часов я оказываюсь в том самом агентстве.

Выбор няни оказывается нелегким, и даже не потому, что меня никто не устраивает, скорее, наоборот. И почему я сразу не додумалась обратиться в агентство, а искала по объявлениям?

Вскоре возвращаюсь домой с радостной новостью:

— Я, наконец, нашла няню! Завтра утром уже придет, так что можешь сегодня поехать домой.

— Но я уже настроилась с Ванечкой и завтра посидеть, — огорчается она. — И Андрею уже сказала, что останусь у тебя с ночевкой.

— Оставайся, конечно, я же не против, — виновато отвечаю я, ведь теперь мне очень неловко перед сестрой. — Но няня в любом случае придет завтра. Не хочу искушать судьбу и отказываться, а то еще сбежит, и работа моя накроется.

— Ты права. Раз уже договорилась, то не стоит отказываться. А я тогда поеду сегодня домой, — соглашается Тая.

Напоследок советую сестре устроить вечером сюрприз мужу, раз уж подвернулась такая возможность, и провожаю ее, осторожно прикрыв входную дверь. А через минуту уже слышу плач Вани, которого мы все же разбудили.

— Ну-ну, мамочка уже здесь, — утешаю сыночка, покачивая его на руках. — Не выспался, да? Пойдем тогда погуляем?

Покормив Ваню и собрав его на прогулку, выхожу на улицу вместе с коляской. День сегодня солнечный, теплый, и на душе даже становится немного легче.

Качу коляску по дорожке возле дома, и вдруг застываю, увидев впереди знакомую фигуру Радова. С ужасом опускаю взгляд на спящего сына, и внутри все холодеет. Нужно бежать, пока Радов не увидел его!

Глава 6

Не знаю, как мне в таком шоке вообще удается сдвинуться с места, но ноги сами несут меня в противоположную от Радова сторону. Пульс бьет в виски, а тело покрывается ледяным потом. Боже, куда мне теперь от него скрыться?

Иду очень быстро, едва не срываясь на бег. Попутно поглядываю на подъезды, мимо которых прохожу, но, к моему несчастью, никто в них не заходит и не выходит. Мой же подъезд остался позади, и вернуться к нему я смогу только тогда, когда обойду дом. Но успею ли я?

Пересилив свой страх, быстро оборачиваюсь, не сбавляя шага, и понимаю, что позади меня никого нет. У меня уже галлюцинации начались?

Но в такую вероятность я верю слабо и продолжаю идти вперед, а через пару мгновений из-за угла выворачивает огромный внедорожник и тормозит прямо возле меня.

— Думала, что сможешь от меня сбежать? — зло усмехается Радов, вылезая из автомобиля.

Ну все, теперь точно не сбегу…

Осторожно опускаю козырек коляски, чтобы спрятать лицо сына, и сухо отвечаю:

— А я и не пыталась. Но от твоего общества предпочитаю избавиться.

Резко разворачиваю коляску, чтобы снова уйти, но Радов цепляется в мою руку. Я и не надеялась уже, что мне удастся уйти, но попытаться все же стоило.

— Чей ребенок? — спрашивает он, встав напротив меня.

— Твое какое дело? — фыркаю я. — Ты мне больше никто, и отчитываться перед тобой я не собираюсь.

— Больше? А раньше, значит, был кем-то для тебя? — усмехается он. — Дай-ка подумать… Может, денежным мешком, которого ты пыталась развести на бабки?

— Как хочешь, так и думай, мне все равно, — бросаю я в ответ и хочу вновь попытаться уйти, но Радов идет на опережение и вцепляется в ручку коляски.

— Я повторю вопрос: чей ребенок? — вкрадчиво произносит он.

— Это мой сын. Доволен? — выпаливаю я, едва сдерживая дрожь в голосе. — На этом вопросы окончены?

— Не так быстро, — скалится Радов. — Он от Усманова?

Вопрос ставит меня в тупик. Что ответить? Если скажу да, то могу еще больший гнев на себя навлечь, да и Усманову это вряд ли понравится.

— От другого мужчины, — отвечаю я и тут же добавляю: — Ты его не знаешь.

— Не знаю. Как же! — усмехается он и вдруг поднимает козырек, а я даже среагировать не успеваю.

Лицо бывшего меняется на глазах: от искреннего удивления до гнева. Кровь стынет в жилах от его взгляда на нашего сына, а сердце отчаянно рвется из груди.

— Он мой? — цедит грозно, переметнув гневный взгляд на меня.

— С чего бы вдруг? — нервно смеюсь я, готовая прямо сейчас провалиться сквозь землю.

Радов делает шаг навстречу, нависая надо мной черной тучей, и от страха у меня подкашиваются ноги.

— Мало того что ты предала меня, так еще и скрыла моего сына! — рычит он.

— Мой ребенок не имеет никакого отношения к тебе, — я пытаюсь говорить уверенно, но еле дышу от страха и закрываю своим телом коляску, в которой сладко спит наш сын. — Оставь меня в покое!

— В машину ее! — внезапно командует Радов, глядя мне за спину.

Оборачиваюсь и вижу, что прямо на нас надвигаются двое охранников в черных костюмах. Вот теперь точно все.

— Прямо сейчас мы едем в клинику, Софи, — вкрадчиво произносит Радов, приблизив свое лицо к моему. — И если тест подтвердит мое отцовство, то ты горько пожалеешь, что скрывала ребенка!

— Что ты такое говоришь? Какой тест?! — взвизгиваю я, пытаясь вырвать коляску из его рук. — ты не имеешь никакого на это права! Сон мой, и только мой!

— За идиота меня держишь? — пренебрежительно отзывается он, а в следующий миг двое амбалов берут меня под руки и силой ведут к машине.

Отчаянно пытаюсь вырваться, но прекрасно понимаю, что мне это не по силам. Приходится подчиниться. Следом за мной к машине подходит Радов вместе с коляской. Кружит над ней, словно коршун и будто примеряется, а потом произносит:

— Возьми его.

Тоже мне, папаша. Ребенка даже на руки побоялся взять! Спешно вылезаю из машины, беру сыночка на руки и сажусь обратно, а затем Радов садится рядом со мной. Жмусь к противоположной двери, желая держаться подальше от Радова, и отворачиваюсь к окну.

— Усманов знает, что это мой сын? — спрашивает Радов, когда машина трогается с места. — Если знает, то я крайне удивлен, что он все равно сделал тебя своей любовницей.

— Я не его любовница! — фыркаю, пряча свой страх за злостью. — А про сына я уже сказала, что он не твой. Как тебе еще это объяснить?

— Посмотрим, что ты скажешь в клинике, — хмыкает он. — Но я и так все прекрасно вижу.

— Зачем тебе все это? Что тебе вообще от меня нужно? — возмущаюсь я, и Ваня начинает крутиться и хныкать. — Прости, котик, я не хотела тебя будить, — ласково шепчу сыночку, стараясь не разреветься, и качаю его на руках.

— Затем, Соня, что я хочу воспитывать собственного сына, — отвечает Радов. — А вот предателям, вроде тебя, не место рядом с ним.

— Что это значит? О чем ты вообще говоришь? — шепчу онемевшими губами. — Это мой сын, и никто не может забрать его у меня!

— Я все могу, Соня. Поверь на слово.

Просто не могу поверить своим ушам. Как Радов вообще может думать о том, чтобы отобрать ребенка у родной матери? Более того, он ведь даже не умеет с ним обращаться! Что он вообще будет с ним делать? Смотреть поздним вечером после работы, как Ваня спит, а днем скидывать его на чужую женщину?

Конечно, я тоже планировала уходить на работу и оставлять сына с няней, но вечера и выходные дни я собиралась посвящать только ему. Да и вообще, это совсем другое! Я люблю своего сына, я его родила и нужна ему! И знаю, как за ним ухаживать, чем кормить, чем лечить, когда он болеет. А грудное молоко? Пусть у меня его немного, но оно необходимо ребенку для иммунитета.

Боже, да о чем он вообще? Как ребенок будет расти без мамы?

Радов даже хуже, чем я о нем думала. Беспринципное чудовище, которое готово на все ради исполнения своей приходи. Вынь да положи. А что будет дальше, его совершенно не волнует. Но у меня нет никаких сомнений, что он сделает то, о чем говорит. И вряд ли его остановят мои слезы и мольбы, поэтому придется действовать иначе.

Глава 7

— Вряд ли Андрею понравится, что ты похитил меня и его сына, — язвительно произношу я для большей правдоподобности. — Не боишься проблем?

— С чего бы вдруг мне его бояться? — смеется он. — Я в курсе того, что ты крутишь с Усмановым шашни, но ребенок точно не от него. Даже не пытайся меня одурачить.

— Ты сам себя дурачишь! — не отступаю от своего. — Сам придумал себе что-то и веришь в это. Ваня не твой сын, Рома! Не твой!

— И что же ты не живешь вместе с Усмановым, если это его ребенок? — победно усмехается Радов.

Нервно сглатываю, понимая, что меня почти раскусили, а мой план близок к провалу.

— Он специально скрывает свое отцовство от таких, как ты, — фыркаю я. — Чтобы никто не навредил нашему сыну. Ваш бизнес слишком кровожаден, и в нем не жалеют даже детей.

— Я бы никогда даже не подумал вредить конкуренту через его семью, — чеканит он. — А вот Усманов — легко. Ты, видимо, еще не понимаешь, с кем я связалась.

— Он отец моего сына, и тебя вообще не должно волновать, с кем я связалась. Отпусти нас и не создавай ни себе, ни нам проблем. Обещаю, я ничего не расскажу Андрею о произошедшем, если ты сейчас одумаешься. Не совершай ошибку.

Радов ничего не отвечает, и во мне зарождается. Может, я все же смогла убедить его в том, что Ваня не его сын?

— Просто отпусти нас, прошу, — вновь повторяю я, пытаясь додавить Радова до принятия решения.

Но он по-прежнему молчит, отвернувшись к окну. А через несколько минут автомобиль останавливается возле медицинской лаборатории, и Радов, наконец, произносит:

— Ты не очень убедительна, Соня. И тест мы все равно сделаем. Но если окажется, что я ошибся, а это в принципе невозможно, то я оставлю тебя навсегда.

С этими словами Радов выходит из машины, обходит ее и открывает мне дверь.

Крепче прижимаю сына к груди и выхожу. Меня шатает, а ноги подкашиваются. Что мне делать теперь? Ведь Ваня — его сын, и тест это покажет. Надеяться на лабораторную ошибку? Очень глупо и почти нереально. Прямо сейчас убежать? Тоже не выйдет, меня нагонят быстрее, чем я успею добежать до соседней улицы.

Остается только попробовать договориться с сотрудником, который будет брать биоматериал. Может, он сжалится надо мной, если я предложу приличную сумму денег? Наличных, правда, у меня сейчас нет, только деньги на карте, и их не так много. Но я готова отдать все до копейки, лишь бы Радов оставил нас в покое!

Заходим в лабораторию, и я сажусь в кресло, пока Радов договаривается о тесте. Бегло оглядываю помещение, надеясь ускользнуть через какой-нибудь другой выход, но лишь огорчаюсь — дверь здесь только одна, а прямо за ней стоят охранники Радова.

— Тест будет готов через четыре дня, так что будешь это время с сыном жить в моем доме, чтобы никуда не сбежала, — грозно произносит Радов, подойдя ко мне.

Меня переполняет возмущение, но я даже не успеваю ничего возразить, как нас приглашают в кабинет для проведения теста.

— Иди, а мы после тебя зайдем. Не будем толпиться, — обращаюсь я к Радову, ведь если мы будем в кабинете вместе, то я уж точно не смогу ни о чем договориться.

— Заходи, — твердо произносит он и кладет тяжелую ладонь мне на талию, направляя в кабинет.

Ну все. План провалился. Теперь остается надеяться только на ложный результат теста. Пусть так и случиться, пожалуйста!

Женщина-лаборант берет у Радова мазок из ротовой полости, убирает в специальную колбу, закрыв ее крышкой, а затем подходит к Ване.

— Ну-ка, открой ротик, — с игривой улыбкой произносит она, а затем демонстративно открывает свой рот, чтобы Ваня последовал ее примеру.

Но сынок непреклонен, и женщине приходится взять мазок силой, отчего Ваня пускается в плач.

— Ну-ну, тише, — пытаюсь успокоить его, покачивая на руках, но он весь изворачивается и продолжает плакать. — Это ведь было совсем не больно. Не расстраивайся так, пожалуйста.

Хочется и самой зарыдать вместе с сыном, но я держусь. Быстро выхожу из кабинета, взглядом нахожу уборную и иду прямиком туда.

— Куда ты собралась? — хватает меня за руку Радов, останавливая.

— Хочу покормить Ваню, чтобы он успокоился после твоей идиотской приходи, — фыркаю я.

— Подожди, сейчас я попрошу выделить тебе кабинет, где вам будет удобно…

— Не нужно никого просить, на это нужно время, а Ваня уже в истерике, — недовольно отвечаю я и снова направляюсь к уборной, и на этот раз Радов меня уже не останавливает.

Захожу внутрь, запираюсь и прикладываю сына к груди. Причмокивая, он начинает сосать молоко и всхлипывает.

— Бедный мой. Издевались над тобой, да? — жалобно протягиваю я и оглаживаю голову сына. — Мой маленький сладкий котик. Не бойся, я ни за что не отдам тебя этому ужасному дяде.

Вскидываю голову кверху и тяжело вздыхаю, из последних сил сдерживая слезы. Сейчас Радов отвезет нас в свой дом. А что дальше? Дождется результата, а потом выкинет меня прочь? И, кстати, что на это вообще скажет его жена? Он ведь не развелся? Надеюсь, что нет, и тогда хотя бы она его сможет образумить.

Глава 8

Пытаюсь придумать еще хоть какой-то выход из ситуации, и вдруг взгляд падает на окно, приоткрытое на проветривание. Делаю несколько шагов вперед, отодвигаю штору и смотрю вниз. Первый этаж, до земли не так уж и далеко, да еще и баки для отходов стоят прямо под окном. Надеюсь, они выдержат мой вес…

Вылезти из окна кажется довольно просто, но как только я решаюсь перейти к действиям, меня сковывает дикий страх. А если я случайно поскользнусь и упаду? Неважно, если я получу какую-то травму, — переживаю только за Ваню. Если из-за меня с сыном что-нибудь случится, то я никогда себе этого не прощу.

Я уже готова смириться со своей участью и вернуться к Радову. Что-нибудь обязательно придумаю, выкручусь из ситуации. Возможно, смогу заставить его сжалиться надо мной, хоть это и будет непросто.

Но вдруг замечаю, как из-за угла выворачивает светловолосая девушка, и решение проходит в голову само собой.

— Девушка! — как можно тише зову ее, чтобы Радов не услышал меня из-за двери.

Блондинка явно слышит мой зов, вот только не понимает, откуда он, и я начинаю усиленно махать рукой, чтобы привлечь ее внимание.

— Помогите, пожалуйста! — вновь произношу я, когда девушка меня замечает, а затем сразу же идет мне навстречу.

— Чем помочь? — спрашивает она, подойдя к моему окну.

— Возьмите, пожалуйста, моего ребенка. Мне надо выбраться отсюда, — умоляюще произношу я, и девушка незамедлительно протягивает руки.

Осторожно опускаю сына, чуть свесившись из окна и, убедившись, что девушка надежно держит Ваню, становлюсь на баки, а затем спрыгиваю вниз, больно приземлившись на ступни.

Но это ничего, потерплю. Главное, что сбежать почти удалось.

— Спасибо вам, — выдыхаю я и забираю Ваню из рук девушки.

— А что у вас случилось? — интересуется она.

— От бывшего сбегаю, — на автомате отвечаю ей и оглядываю улицу, решая, куда бежать дальше.

— У меня там такси. Если хотите…

— Да, конечно, — прерываю ее, тут же ухватившись за возможность.

Каждая секунда на счету, ведь Радов в любой момент может заподозрить, что что-то не так.

Сажусь в такси следом за девушкой и прижимаю Ванечку к груди, покачиваясь вместе с ним. На этот раз успокаиваю, скорее, не его, а себя. Но пора бы уже выдохнуть, ведь мы в безопасности. Вернее, почти в безопасности. Теперь нужно придумать, куда мне ехать, где спрятаться от Радова. Где мой дом он уже знает и моментально найдет меня там, поэтому домой мне путь закрыт.

— Меня Алена зовут. А вас? — произносит девушка, вырывая меня из размышлений.

— Соня, — улыбаюсь ей и добавляю: — Спасибо вам огромное! Вы меня безумно выручили. Мне так страшно было спрыгнуть вместе с сыном. Переживала, что могу случайно упасть и повредить ему что-то. Слава богу, вы рядом оказались и помогли.

Я так сильно разволновалась, что даже не помню, поблагодарила ли я ее тогда, когда я только выбралась из медицинского центра.

— Пустяки, — с улыбкой отмахивается она. — А что такого сделал ваш бывший, из-за чего пришлось от него сбегать через окно?

— Сложная история, — опустив взгляд, отвечаю ей. — Год назад я узнала, что он изменяет мне, и ушла от него. Я тогда только узнала о том, что беременна, но ему не сказала. Потому что не хотела, чтобы этот человек оставался в моей жизни. Но он всё-таки узнал про сына, а теперь хочет отобрать его у меня.

— Разве такое возможно — отобрать ребенка у матери? — шокировано спрашивает Алена.

— Он очень влиятельный и богатый человек. С его связями возможно все, — вздыхаю я.

Даже посторонний человек понимает, насколько это неправильно. А вот Радов будто с другой планеты. Ему чуждо все человеческое.

— Какой ужас… И куда вы теперь поедете? Он ведь наверняка знает, где вас найти.

— Знает, — удрученно отвечаю я, ведь еще сама не знаю, куда мне податься, а решать надо. — Поеду в какую-нибудь гостиницу, а там уже придумаю, что делать дальше.

— Да уж, ситуация не из легких, — вздыхает Алена. — Но я вам от всего сердца желаю удачи! Пусть ваш малыш всегда будет с вами.

— Спасибо, Алена, — благодарно отвечаю ей. — Пусть и в вашей жизни все будет хорошо!

Вскоре такси останавливается возле дома Алены, и мы прощаемся.

— Куда дальше? — интересуется водитель, и я называю ему адрес ближайшей гостиницы, которую отыскала по дороге сюда.

Сначала я хотела обратиться за помощью к Усманову. У меня даже сомнений не было, что он согласится защитить меня от своего конкурента, вот только была одна загвоздка… Если бы я попросила у него защиты, то пришлось бы рассказать ему, почему Радов меня преследует. И тогда он узнал бы о моей тайне.

Я не считаю Усманова плохим человеком, но печальный опыт показал, что не стоит слепо доверять всем подряд. Тем более что меня все же задели слова Радова о том, что Усманов вполне способен навредить конкуренту через семью. Поэтому лучше быть осторожной и как-нибудь выкрутиться самой.

Глава 9

Заселяюсь с Ваней в номер и, наконец, облегченно выдыхаю. Побег от Радова только начинается, и впереди меня ждет еще много трудностей, но хотя бы первый этап пройден.

Вспоминаю, что завтра должна прийти няня, да еще и Усманов просил, чтобы я вышла в офис… Но теперь это за гранью моих возможностей, и мне придется отказаться от просьбы и принять возможные последствия.

Собрав мысли в кучу, набираю номер Усманова.

— Слушаю, — отвечает он.

— Андрей Владимирович, здравствуйте, — с наигранной хрипотцой отвечаю я, делая вид, что заболела. — Я дико перед вами извиняюсь, но завтра на работу выйти никак не смогу. Я сильно заболела, температура высокая. Даже с постели с трудом встаю.

— Плохо, — вздыхает он. — Но я все понимаю. Лечись, конечно, отдыхай. Тебе няню удалось выбрать? Будет кому посидеть с ребенком, пока ты болеешь?

— Да, няню нашла, но я отменю ее приход. Со мной сестра посидит, так что за меня не волнуйтесь.

— Хорошо. Выздоравливай и сразу звони мне, хорошо?

— Конечно, Андрей Владимирович. Спасибо за понимание!

Кладу трубку и следом пишу сообщение няне с извинениями и той же информацией, которую сообщила Усманову. Ваня тем временем уже весь искрутился, и я вспоминаю, что давно не меняла ему памперс. К счастью, в сумке у меня есть два запасных, но надолго их все равно не хватит.

Подмываю сына, переодеваю, и сразу передо мной появляется счастливый карапуз. Как мало ему пока для счастья надо!

Пытаюсь придумать, что делать дальше. Без ноутбука я теперь даже удаленно работать не смогу. Да что там ноутбук! У меня даже элементарно нет сменной одежды и памперсов для ребенка! И, недолго думая, я звоню сестре, рассчитывая на ее помощь. Понимаю, что уже задергала ее в последние дни, но рассчитывать мне больше не на кого.

Вот только дозвониться до нее у меня никак не получается, а вскоре она мне присылает сообщение, в котором пишет, что ее положили на сохранение, и говорить она сейчас не может.

Мой последний план с треском провалился, но сейчас меня больше огорчает не это, а состояние сестры. Не представляю даже, как ей сейчас плохо и страшно, она ведь так ждала этого малыша, а теперь на грани того, чтобы его потерять.

Прижав к себе Ваню, наблюдаю за тем, как он засыпает. Его ангельское личико меня немного успокаивает, и я незаметно задремываю вместе с ним.

Просыпаюсь от плача сына, когда за окном уже темнеет, и прикладываю его к груди. Почти весь день он без прикорма и, конечно, сильно проголодался. Да и я сама за целый день ничего не ела, поэтому заказываю ужин в номер, чтобы лишний раз не высовываться.

Вскоре в мою дверь стучат и раздается женский голос:

— Доставка ужина!

Подпираю Ваню подушкой, чтобы этот вертлявый мальчуган не свалился, пока меня не будет рядом, и иду к двери. Но, открыв ее, просто столбенею от ужаса: рядом с девушкой, что перепугано смотрит на меня, стоит Радов…

Каким-то чудом успеваю среагировать и захлопываю дверь. Почти захлопываю… В последний миг, когда уже должен раздаться щелчок замка, я чувствую сопротивление с обратной стороны. Наваливаюсь всем весом, давлю руками, уперевшись носками в пол, но подошва скользит по полу, и я медленно отъезжаю в сторонку вместе с дверью.

Снова я провалила план. Но как? Как он узнал, что я здесь? Я ведь была так осторожна! Видимо, от этого человека можно скрыться лишь под землей, да и оттуда наверняка достанет.

— Набегалась? — со злым прищуром спрашивает Радов, войдя в номер и захлопнув за собой дверь.

Под его пристальным взглядом становится зябко, и я обнимаю себя руками, желая почувствовать себя в безопасности, которой уже не будет.

— На что ты рассчитывала вообще? — хмыкает он.

— Что смогу защитить своего сына от тебя, — честно отвечаю я.

— Защитить? От родного отца? — усмехается он.

— Ты ему не отец! — в который раз за сегодня произношу я, хотя уже нет никакого смысла отпираться, ведь уже через несколько дней Радов получит официальное заключение о том, что является биологическим отцом Вани.

— Если бы это было правдой, то ты не сбежала бы из клиники через окно, — рычит он, наступая на меня. — Но ты лишний раз доказала, что я прав.

Нервно сглатываю и поджимаю губы, испытывая жуткое разочарование. Да, проще уже сказать Радову о сыне, но где-то в глубине души по-прежнему остается крохотная надежда на то, что нам все еще удастся сбежать. А если я прямо сейчас во всем признаюсь, то окончательно обреку себя на провал.

— Я сбежала потому… — едва успеваю произнести, как вдруг Радов резко подается вперед, но вовсе не в мою сторону.

А когда поворачиваю голову, вижу, что он держит Ваню вверх тормашками, и сын начинает плакать.

— Смотреть надо за ребенком. Он чуть не упал, — цедит Радов, и я тут же забираю Ваню из его рук. — Если бы я сейчас не оказался здесь…

— Если бы ты не оказался здесь, — перебиваю его, — То я бы спокойно следила за сыном, и он не попытался бы упасть. — Ты только беды нам приносишь. Оставь уже нас!

— Довольно! — рявкает Радов, и я вздрагиваю, зато Ваня на удивление замолкает.

Видимо, сынок в таком же шоке, как и я, раз даже звука не может издать.

— Я даю тебе последнюю возможность поехать сейчас с сыном и находиться вместе с ним до тех пор, пока не придет результат теста, — чеканит Радов. — Но если еще раз попытаешься сбежать, то я обещаю — сына ты вообще больше не увидишь.

—Какая же ты сволочь, — на эмоциях произношу я и швыряю свои вещи в сумку, второй рукой удерживая сына. — Все должно быть так, как хочешь ты. И плевать тебе на то, что это за гранью человечности.

— Ты абсолютно права. Все должно быть так, как хочу я. И будет, поверь на слово.

— Я знаю, что ты за человек, так что даже не сомневаюсь в твоих словах, — фыркаю я и проношусь мимо Радова на выход из номера.

— Меньше резких движений, — шепчет он мне на ухо, схватив за плечи. — Будешь послушной девочкой, и тогда я еще подумаю над тем, чтобы пожалеть тебя.

Глава 10

Столько времени прошло, столько слез пролито из-за Радова. А от его шепота до сих пор ко коже бегут мурашки. Как и в прежние времена, мое тело охотно откликается на этого жестокого мужчину. Вот только теперь я точно знаю, на что он способен, и химия между нами точно не возьмет верх над разумом.

— О чем ты? — спрашиваю я, повернувшись к Радову и взглянув в его темные глаза, в которых пляшут озорные черти. — О какой жалости ты говоришь?

— Ну, например, я могу позволить тебе остаться рядом с сыном, — с ухмылкой отвечает он, изогнув бровь. — Но это будет зависеть только от твоего поведения.

Хочется возмутиться и послать этого гада к черту! Я не маленькая девочка, чтобы слушаться властного строгого дядю. И я, как никто другой имею право быть со своим сыном.

Вот только на этот раз я предпочитаю промолчать. Все мои попытки избавиться от Радова потерпели крах, и теперь мне придется играть по его правилам до тех пор, пока я не найду новый выход. Такой, который точно мне позволит сбежать от него навсегда и остаться с сыном.

— Все понятно? — уточняет Радов, и я молча киваю в ответ. — Вот и умница. А теперь идем.

Я даже не сопротивляюсь, когда он обнимает меня за талию, выводя из номера. Пусть думает, что я испугалась и стала покорной. Стану безвольной игрушкой в его руках, он ведь этого хочет? Да, будет нелегко, но я очень постараюсь больше не перечить ему и молчать, насколько это будет в моих силах. Все сделаю ради того, чтобы он не отобрал у меня сына.

Покидаем отель и садимся в его автомобиль в сопровождении все тех же охранников.

— Мы можем заехать ко мне домой? — осторожно интересуюсь я.

— Зачем это? — хмыкает Радов.

— Нужно забрать мою и Ванину одежду, памперсы и еду. Да и кроватку бы не помешало. Он ночью плохо спит, и если не будет нашей кроватки, то мне придется всю ночь укачивать его на руках.

Сейчас я говорю абсолютно искренне, ничего не задумывая. Все равно знаю, что не смогу спрятаться от Радова у себя дома, но раз уж нам придется пожить какое-то время у него, то у нас должно быть все необходимое.

— Я распоряжусь, чтобы все это купили и немедленно привезли, — отвечает Радов и достает из кармана смартфон.

— Где сейчас все это купят? — возражаю я. — Время уже позднее, скоро Ване ложиться спать. Да и еду он кушает определенную. Я буду дольше объяснять, что нужно, чем мы просто заберем это из моей квартиры.

— Тогда давай ключи, — протягивает он мне руку. — Мои люди все соберут и привезут ко мне.

— Нет, — мотаю я головой. — Я не хочу, чтобы кто-то рылся в моем доме!

Радов переводит на меня хмурый взгляд и приподнимает брови, намекая на то, что я веду себя не так, как ему хочется.

— Ну и ладно, — импульсивно отвечаю я, отвернувшись к окну. — Я не собираюсь никому давать ключи от своего дома. Если ты хочешь, чтобы твой сын…

Осекаюсь, но уже слишком поздно. Как я могла такое ляпнуть?!

— Вот ты и прокололась, — победно усмехается Радов у меня над ухом.

Сердце подпрыгивает в груди и замирает. Голова начинает кружиться, и земля буквально уходит из-под ног.

— Это я образно, — лепечу я и облокачиваюсь на стену в коридоре, чтобы не упасть. — Ты же почему-то считаешь, что он твой сын. Вот я и привела аналогию, как ты обходишься с ребенком, которого считаешь своим.

— Хватит идиотских оправданий, Соня, — хмыкает Радов, подгоняя меня вперед. — Ты только сильнее себя топишь.

Ничего больше не говорю, просто молчаливо следую вместе с ним к машине. Я, и правда, слишком много говорю и доказываю ему, что он ошибается. Наверное, если бы Радов по-настоящему не был отцом Вани, я бы вела себя иначе. Но теперь уже точно достаточно оправданий, они больше не имеют никакого веса и ничего не изменят.

Мы садимся в автомобиль и едем куда-то в полном молчании, которое нарушает Ванино кряхтение.

— Ну-ну, котик, потерпи еще немного, ладно? Скоро мы уже приедем, — успокаиваю сына, но не особо успешно. — Я знаю, ты уже устал за целый день, и мамочка тоже устала. Но скоро уже все закончится

Радов возмущенно изгибает бровь и произносит, глядя на меня:

— Уже все закончилось, Соня. Если ты рассчитываешь, что тебе удастся улизнуть из моего дома, то, будь уверена, ты это сделаешь всего один раз и без сына. Обратной дороги тебе не будет.

— Я говорю не с тобой, а с сыном, — хмыкаю я. — И речь вообще не про это была, не перевирай мои слова.

— Мне все равно, что ты имела в виду. Я просто предупреждаю тебя, как оно будет, — сухо произносит он. — Мое всегда остается со мной.

— Я вот все никак не могу взять в толк, — тихо произношу я, сдерживая свое возмущение. — Для чего тебе все это?

— Что именно? — уточняет Радов.

— У тебя ведь уже есть ребенок. Зачем тебе еще и мой понадобился?

— А что здесь непонятного? — хмурится он. — Я хочу растить собственного сына. Хочу, чтобы он был рядом, хочу дать ему все, чего не было в детстве у меня.

— А одного ребенка тебе уже недостаточно? — хмыкаю я и добавляю: — Если тебе так хочется обеспечить Ваню, то ты можешь это делать, не забирая его к себе. Ты можешь его навещать, когда тебе захочется, гулять с ним…

— Я у тебя не спросил, что мне делать, — грубо прерывает меня Радов. — Ты не дала мне возможности видеться с сыном первый год его жизни. И если бы я не узнал о его существовании сам, то ты так и не сказала бы мне о нем. Разве я не прав?

Поджимаю губы от досады. Он прав, абсолютно.

— Но ты узнал, — отвечаю я. — И с этого момента я больше не буду препятствовать твоим контактам с сыном, раз ты, действительно, так сильно хочешь принимать участие в его жизни.

— Не будешь, — кивает он. — Потому что Ваня будет жить в моем доме, и ты мне никак не помешаешь видеть его.

— Но я не буду мешать, даже если ты позволишь нам вернуться…

— Не позволю, — вновь перебивает меня Радов. — Если женщине слишком много позволять, то ничем хорошим это не кончится. И достаточно болтовни, я уже все решил и изменять свое решение не собираюсь. Ты можешь с ним согласиться, а можешь просто отдать мне сына и идти, куда тебе вздумается.

— Ты меня с сыном не разлучишь, даже не надейся! — выплевываю я и отворачиваюсь, уткнувшись носом в Ванину макушку.

Все, Соня, хватит, помолчи. Ты же видишь, что он не поддастся на твои уговоры. Только нервы зря тратишь и силы. Привыкай. Какое-то время тебе нужно быть покладистой. Это все только ради Вани, помни это.

Глава 11

Вскоре мы заезжаем на территорию незнакомого мне дома. Или Радов переехал, или это другое жилье, неосновное. И в последнем варианте есть смысл, иначе как он будет объясняться перед женой о появлении меня и Вани в его доме? А, может, они все-таки развелись?

Я бы на месте его жены не стерпела, если бы знала, что мой мужчина спит с другой. Собственно, я и не стала терпеть. Как только узнала, что Радов скрыл от меня, что женат, я без раздумий ушла от него. Он обманул меня, предал, и я по праву считаю это его изменой, которую принять и простить была просто не в состоянии.

Заходим в дом, где суетливо бегает прислуга, и везде стоят какие-то коробки.

— Идем, я покажу тебе Ванину комнату, — обращается ко мне Радов, и я следую за ним вверх по лестнице.

Когда мы входим в одну из дверей, я поражаюсь тому, что вся комната уже заставлена детской мебелью и игрушками.

— Когда все это успели сделать? — изумляюсь я. — Мы ведь только полчаса назад обсуждали кроватку для Вани.

— Еще днем я распорядился все привезти, — отвечает Радов. — Потому что я даже не сомневался, что найду вас.

— Само собой, — бурчу себе под нос. — Только здесь не хватает кровати для меня.

— А с чего вдруг в комнате моего сына будет кровать для тебя? — усмехается он.

— Но, как же, — лепечу я, и сердце уходит в пятки. — Ты ведь говорил, что я буду здесь рядом с ним! Ты меня обманул?!

— Пока у меня нет на руках ДНК-теста, подтверждающего мое отцовство, ты в любом случае останешься здесь, — отвечает Радов. — Но жить ты будешь в другой комнате.

— Дай-ка угадаю: в твоей? — язвлю я.

— Если тебе так хочется, то, конечно. Ты ведь с радостью ложишься под любого, с кем тебе выгодно находиться, — с издевкой отвечает он, а мне хочется вмазать по его наглой физиономии.

— Не равняй меня с теми, с кем ты привык связываться. И деньги — это последнее, что меня интересует в отношениях. Но ты судишь по себе, потому что в твоей прогнившей душе не осталось ничего, кроме жажды денег. И ты трясешься над ними, фантазируя себе, что каждый хочет их отобрать.

— Я говорю только то, что и так знаю о тебе. Фантазировать мне не нужно, — даже после моих слов ухмылка не сползает с его лица.

Он стоит в расслабленной позе и смотрит на меня, как победитель. А я вновь унижена, оскорблена, но доказывать ему что-то не имеет смысла. Он сам себе на уме, а своими возражениями я могу сделать только хуже. Сейчас я промолчу. И завтра, и послезавтра. А когда я смогу сбежать и сделать так, что Радов меня больше никогда не найдет, ему останется только вспоминать ощущение уверенности в своей победе.

— Так и где моя комната? — стараясь сохранить спокойствие, спрашиваю я.

— Соседняя дверь, — с лукавой ухмылкой отвечает он и направляется к лестнице.

Соседних дверей тут две — справа и слева. Какая из них моя? Ну, конечно, он целенаправленно сказал так, чтобы поставить меня в неловкое положение.

— Идем, покормишь ребенка, — зовет меня Радов, спускаясь по лестнице.

Ладно, еще успею выяснить, какая из комнат моя.

Медленно спускаюсь на первый этаж, придерживаясь за перила. Почти весь день мне пришлось таскать Ваню на руках. И хоть он еще и не так много весит, но за столько часов я очень сильно устала. Руки почти отваливаются, а спину жутко сводит. Я бы с радостью распла-

сталась сейчас на кровати и больше не шевелилась сегодня. Но за семь месяцев я и не такую усталость перебарывала, так что переживу как-нибудь.

— Тамара Сергеевна, — Радов представляет мне женщину лет шестидесяти, которая хлопочет на кухне.

— Ой, добрый вечер, Роман Андреевич, — отвечает она и откладывает кухонное полотенце.

— Добрый, — кивает он. — Это София и Ваня. Накормите их, и на сегодня можете быть свободны.

— А вы? — изумляется женщина.

— А я не голоден. И у меня есть еще дела, — бросает он напоследок и покидает кухню.

— Добрый вечер, — наконец, здороваюсь я.

— Добрый, — тепло улыбается Тамара Сергеевна и подходит к Ване: — А кто у нас тут такой сладкий пирожочек? Проголодался? А я много всего наготовила. Не знала, что Ванечка больше любит.

Радов сильно подготовился перед нашим приездом. Выходит, он ни на секунду не сомневался в том, что Ваня — его сын. Или каким-то чудом он смог узнать об этом еще до сегодняшнего дня, или результат теста он получил сразу, но мне зачем-то сказал про готовность за четыре дня.

— Так, Сонечка, смотрите, — подзывает меня Тамара Сергеевна, — Есть мясное пюре, есть овощное, а есть супчик. Я всего понемногу приготовила, чтобы сегодня Ване точно было что поесть. А завтра уже приготовлю то, что вы скажете.

— Я ему только супчики варю, а пюре и каши у нас всегда были покупные, — пожимаю я плечами и чувствую себя какой-то плохой матерью, ведь даже чужая женщина ему приготовила все сама, а я покупное даю.

— Само собой. Вы же не повар, чтобы весь день у плиты стоять. Ребенку нужно много внимания, — понимающе отвечает она.

— А вы положите всего понемногу, заодно и узнаем, что понравится Ване, — предлагаю я, и она охотно соглашается, накладывая порции в маленькие глубокие тарелочки.

Вот только стула для кормления нет, приходятся самой побыть стулом и держать Ваню, пока его кормлю. А, закончив с кормлением, доедаю за ним остатки еды. Как-то уже привыкла. Не выбрасывать же?

— Ой, Сонечка, что же вы делаете? — всплескивает руками Тамара Сергеевна. — Оставьте вы эти детские пюрешки, я для вас рагу приготовила с говядиной. Вам нужно хорошо питаться! Вы же еще кормите грудью?

— Кормлю, но у меня очень мало молока, поэтому…

— Это кто вам сказал, что мало молока? — хмурится она.

— Ну, никто не говорил, я сама поняла, — неуверенно протягиваю я. — Он когда сосет грудь, то очень нервничает, брыкается и быстро бросает. И я сделала вывод, что он сосет, а там пусто. Да и после кормления грудь проверяла — почти ничего нет.

— Ох, ну вы и даете, — качает головой Тамара Сергеевна. — Конечно, молоко из груди сосать нелегко, вот он и нервничает. Просто нужно чаще прикладывать его к груди и не давать бутылочек со всякими смесями, откуда все течет без труда. Первое время, кончено будет трудновато, тем более, он уже большой мальчик, но очень быстро все наладится. А молочко во время кормления вырабатывается, то, что погуще и посытнее. Руками и всякими приспособами вы его и не сцедите толком. Я, кончено, ни на чем не настаиваю, это ваш с Романом Андреевичем ребенок, и вы лучше знаете, как с ним обращаться. Но у меня достаточный опыт, чтобы дать такой совет. Своих детей трое и четверо внуков.

Наш с Романом ребенок… От этих слов тело бросает в дрожь, будто мне и самой только сейчас об этом сообщили.

— Мне о таком раньше никто не говорил, — отвечаю я. — Спасибо за совет, обязательно попробую. Я знаю, что для ребенка очень полезно грудное молоко. Но переживала очень, что Ваня недоедает, вот и подключила очень рано смеси, а с пяти месяцев и прикорм.

— Если мой совет тебе поможет, то я буду очень рада, — улыбается она и ставит на обеденный стол тарелку с рагу. — Садись покушай, а я пока карапуза немного понянчу.

Охотно соглашаюсь, ведь за целый день ничего не ела, и быстро уплетаю вкуснейшее рагу, которое ничуть не хуже ресторанных блюд.

— Спасибо вам. Было очень вкусно! — благодарю Тамару Сергеевну и забираю Ваню. — Мы пойдем уже ложиться. Доброй вам ночи.

— И вам, Сонечка! — отзывается она.

Вернувшись в комнату Вани, купаю его, переодеваю и укладываю спать, напевая колыбельную. И несмотря на тяжелый день, мой малыш быстро засыпает.

— Спи сладко, котик. Мамочка очень тебя любит, — нараспев произношу я и тихонько отхожу от кроватки.

Выхожу из комнаты и смотрю на двери с обеих сторон. Обе закрыты, а в доме полная тишина. Ну вот и куда идти?

Подхожу к одной двери и прислушиваюсь, прислонившись ухом — тишина. Подхожу к другой — то же самое. Выбора не остаётся, и я решаю тихонечко заглянуть внутрь, а в случае ошибки — быстро ретироваться. И едва я успеваю приоткрыть дверь, как тут же слышу голос Радова:

— Заходи. Я тебя ждал.

Глава 12

Черт! Что за невезение? Ну почему я вошла именно в его дверь?!

Поджимаю губы от досады и медленно отступаю назад. Я его не увидела, значит, и он меня тоже, только услышал. Пусть думает, что это сквозняк.

— Соня, быстрее. Не заставляй меня долго ждать, — громогласно добавляет он, и я нервно распахиваю дверь.

— Тише! Ваню ведь разбудишь! — шикаю я, найдя Радова взглядом.

Он стоит с бокалом возле окна и смотрит куда-то вдаль.

— Ты сама напрашиваешься на то, чтобы я повышал голос, — уже тише отвечает он.

— Что тебе нужно? — фыркаю я. — Для чего ты меня ждал?

— Ты сама сюда вошла.

— Потому что ты не уточнил, какая из комнат моя, вот я и ошиблась. Заходить к тебе по собственной воле я точно не собиралась, — бурчу я, сложив на груди руки в замок.

— Но ты уже пришла, так что проходи, — настаивает он, взглянув на меня, и жестом подзывает к себе.

Несмело шагаю вперед. Надо играть по его правилам. Но это временно.

— Я тебя слушаю, — устало вздыхаю я. — Только давай быстрее, я очень сильно за сегодня устала.

— Я торопиться не собираюсь в угоду тебе. Сама виновата, что так себя измотала. Но ты присаживайся, отдохни. Можешь даже прилечь, — с ухмылкой он указывает на кровать, хотя в комнате еще есть два кресла.

— Спасибо, я постою, — хмыкаю в ответ.

— Как хочешь, — пожимает он плечами и протягивает мне свой бокал: — Хочешь?

— Нет, конечно! Я, вообще-то, Ваню грудью кормлю.

— До сих пор? — ведет он бровью. — Он разве не большой для этого?

— Ты сейчас шутишь? — хмурюсь я. — Ему всего семь месяцев. Дети в его возрасте все еще питаются материнским молоком либо смесями. Но грудное вскармливание гораздо полезнее, оно укрепляет иммунитет и необходимо как минимум до года, а то и дольше.

— То есть где-то еще на полгода придется тебя оставить здесь, — задумчиво протягивает Радов, уставившись куда-то в потолок.

Хочу возмутиться, но предпочитаю промолчать. Я не рассчитываю находиться здесь целых полгода. Но если произойдет что-то такое, из-за чего я не смогу сбежать, то теперь у меня хотя бы есть уверенность, что Радов не выставит меня за дверь, как только получит результаты теста на отцовство. Не зря я сказала ему про грудное вскармливание.

— Ладно, — встряхивается он, будто избавляясь от посторонних мыслей, и обращает свой взгляд на меня. — Ты сказала, Усманов не в курсе, что Ваня — мой сын. Это точно?

— Абсолютно, — киваю я.

— И он не знает, где ты сейчас находишься?

— Не знает, конечно, — я уже начинаю нервничать. — А почему ты вообще об этом спрашиваешь?

— Я должен быть уверен в том, что мой сын находится в полной безопасности, — с абсолютно серьезным лицом отвечает он. — И я очень рассчитываю на то, что ты не станешь выходить с ним на связь и не проболтаешься обо всем.

— Почему же? — ухмыляюсь я. — Боишься Усманова?

— Я вообще никого не боюсь, — сверкнув недобрым взглядом, отвечает Радов. — Но за своего сына волнуюсь. А вот почему ты не беспокоишься, мне непонятно.

— А чего мне об Усманове беспокоиться? Это не он нас похитил и насильно притащил в свой дом! — огрызаюсь я. — Он твой враг, но для меня он лишь босс! И, кстати, совсем скоро он начнет меня искать из-за того, что я не появляюсь на работе. А когда найдет здесь, то сразу все поймет. Если ты, и правда, считаешь, что Усманов способен навредить твоему сыну, то это может произойти только по твоей вине! Если бы оставались у себя дома…

— Подожди, — перебивает меня Радов. — Ты сейчас работаешь? А с кем остается ребенок?

— Еще ни с кем не остается, — хмыкаю я. — Завтра я должна была выйти первый день на работу после декрета, а Ваню оставить с няней. Но благодаря тебе мне пришлось сказать, что я заболела и выйти на работу пока не смогу. И, как понимаешь, эта легенда не будет работать вечно.

— Теперь это твоя забота. Выкручивайся, — непринужденно отвечает он. — Если бы ты с самого начала сказала, что ждешь от меня ребенка, то сейчас все могло быть намного проще. Но ты все же скрыла. Почему? Потому что я бы тебе тогда не позволил уйти к Усманову?

— Нет, потому что ты… — изо всех сил сдерживаю себя, чтобы не повышать голос.

Во-первых, я могу разбудить Ваню. А, во-вторых, мне нужно держать себя в руках. Но как же это тяжело! Обида и горечь предательства до сих пор сидят внутри меня. И когда Радов начинает винить меня в предательстве, мне становится вдвойне больнее.

— Я скрыла, потому что не хотела, чтобы меня хоть что-то связывало с таким беспринципным и аморальным мужчиной, как ты, — зло выдыхаю я.

— Да? И в какой же момент ты поняла, что не хочешь этого? — ухмыляется он и делает шаг навстречу, протягивая руку к моему лицу.

Быстро уворачиваюсь, но он проворно хватает меня за шею, а затем зарывается пальцами в мои волосы и тянет их вниз, заставляя меня вздернуть голову.

— Теперь ты в моей власти, Соня, — выдыхает он в мои губы, а затем тянется к моему уху, царапая щетиной кожу, и шепчет: — Ты же понимаешь, что теперь должна расплатиться со мной за свое предательство, чтобы остаться рядом с сыном? Вот только что ты можешь мне дать?

— Ты и так пытаешься отобрать самое важное в моей жизни, — шиплю я и сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в собственные ладони.

— Я никогда не пытаюсь. Я всегда делаю. Но только то, что нужно мне, — выразительно произносит Радов, делая акцент на последнем слове. — И пока я у тебя ничего не отобрал. Ты все еще здесь, рядом с сыном, так что пора задаться вопросом, почему.

— Отпусти уже! — дергаю головой, пытаясь вырваться из его хватки, но все бесполезно.

— Не нужно вырываться, Соня. Ты только себе больнее делаешь, — рокочет он и касается губами моей шеи, отчего я невольно вздрагиваю.

— Что тебе от меня нужно?! — пытаюсь скрыть свой внутренний трепет за дерзостью.

Мне не могут нравиться его поцелуи. Не должны!

Глава 13

Роман всегда умел спровоцировать меня и разжечь внутри огонь, даже когда я пыталась держать дистанцию, ведь с самого начала я догадывалась, какой он человек. И все же я поддалась ему, растаяла в его горячих объятиях, а потом долго и мучительно собирала себя по кускам.

Во мне должна быть только жгучая ненависть и отвращение к нему, вот только сейчас я испытываю совсем другие чувства, которые очередной раз пытаются взять верх над разумом.

Но теперь я не позволю этому случиться, потому сейчас я уже наверняка знаю, какой на самом деле Радов, и на что он способен. Один раз обожглась. Хватит! Да и совершенно ненормально тосковать по тому, кто грозится отнять твоего ребенка.

— Ты, правда, хочешь узнать, что мне от тебя нужно? — он вновь шепчет мне на ухо, а я стискиваю челюсти и глубоко втягиваю воздух носом, стараясь себя успокоить.

— Я хочу, чтобы ты меня отпустил! — фыркаю я.

— Прямо сейчас? Из этого дома? — издевательски протягивает он и прихватывает губами мочку моего уха, отчего тело покрывается мурашками, а я невольно вздрагиваю. — Ты, похоже, вся истосковалась по ласкам.

— Мне не нужны твои ласки! Ты мне противен! — нагло вру я, но иначе просто нельзя.

— А я и не заинтересован в тебе, — усмехается он и, наконец, отстраняется, высвобождая меня из своей хватки.

— Тогда что тебе вообще от меня нужно? — спрашиваю я и делаю шаг назад, чтобы отступить от Радова подальше, но сразу же упираюсь в столик позади себя.

— У меня будет для тебя задание, — с лукавой ухмылкой отвечает он, а в его глазах разгорается дьявольский азарт. — Если выполнишь его, то мы заключим с тобой договор, который будет гарантировать, что сын останется с тобой.

— Что за задание? — без промедления спрашиваю я.

— Ты выйдешь на работу к Усманову, как и собиралась. Мне нужно, чтобы ты разведала кое-какую информацию, — загадочно протягивает Радов.

— Хочешь сделать из меня шпионку? — возмущаюсь я и добавляю: — Я не стану таким заниматься!

Сливать информацию фирмы — это очень рискованное занятие, которое может привести к плачевным последствиям. Может, мне и стоит рискнуть ради сына, ведь тогда Радов нас отпустит. Но ведь это лишь слова, которые он произнес, а затем может забрать в любой момент обратно.

— И почему же? Не хочешь предавать своего любовника даже ради сына?! — вмиг распаляется он, резко хватывает меня за шею и притягивает к себе, сталкивая нас лбами.

— Что ты несешь?! — выпаливаю я и в сердцах толкаю Радова в грудь. — Усманов мне не любовник!

— Да? А кто же тогда? Или он для тебя уже больше, чем любовник?! — с каждым своим словом он закипает все больше.

— Он для меня только босс, — произношу по слогам, чтобы до него уже, наконец, дошло. — Я уже говорила и повторю еще раз: между мной и Усмановым никогда ничего не было! Но ты почему-то меня не слышишь. Как всегда, сам себе на уме.

Тяжелое дыхание Радова становится все громче. Похоже, он все равно мне не верит, и уже готов растерзать меня в клочья за то, в чем сам себя же и убедил.

— Тогда это упрощает задачу, — выдыхает он, глядя на меня потемневшим взором, а через мгновение яростно впивается в мои губы.

Пытаюсь отпрянуть от Радова, оттолкнуть, но он даже и не думает меня отпускать, целуя все настойчивее и глубже, зарывшись пальцами в мои волосы и удерживая за затылок. А меня охватывает жуткое отчаяние. Мне так не хватало этой близости, и эмоции, которые я не хочу испытывать, накрывают с головой. Зачем он вообще целует меня после всего, что сделал и наговорил? Сначала демонстрирует свою ненависть ко мне, а потом набрасывается с поцелуями. Или это для него еще одна форма издевательства надо мной?!

Внезапно из спальни раздается плач сына, и Радов, наконец, отрывается от моих губ, но не выпускает меня из объятий.

— Иди к сыну, а после — возвращайся, — хрипло произносит он.

— Даже и не подумаю! — выпаливаю я и вырываюсь из его рук.

— Я сказал, что ты придешь, — властно произносит он, сверкнув недобрым взглядом, который ясно дает понять, что отказать я не могу.

Ничего больше не говорю, когда Радов все же отпускает меня и, не видя ничего вокруг, выбегаю из его спальни.

Губы горят от поцелуя, а внутри кипит негодование и злость. Он обращается со мной так, будто я вещь, у которой нет ни чувств, ни желаний! Ему было абсолютно плевать, хочу ли я этого поцелуя. Просто взял и сделал! А что дальше? Захочет физического удовлетворения и силой затащит меня в постель? Ну уж нет, такого я ему точно не позволю!

— Ну-ну, ты чего расплакался? — заскакиваю к сыну в комнату и тут же беру его на руки, чувствуя, что его штанишки промокли. — Ой, я тебе плохо памперс надела? Прости, пожалуйста, котик, мамочка вообще сегодня сама не своя. Сейчас все исправим, хорошо? Только не плач так, пожалуйста.

Злость на Радова как рукой снимает, потому что теперь я полностью поглощена переживаниями за сына. Умом-то я понимаю, что ничего страшного не произошло, и он плачет только потому, что ему стало некомфортно спать мокрым.

Но мое материнское «я» будто не понимает этого. Ребенок плачет — значит, ему очень плохо, а мое сердце кровью обливается. Что уж говорить о днях, когда Ваня болеет. Ни есть не могу, ни спать нормально. Постоянно трясусь над ним, как сумасшедшая, хотя и понимаю, что тревога эта абсолютно лишняя и никому не поможет.

Наверное, с рождением сына я стала слишком слабохарактерной. А такие, как Радов, очень хорошо чувствуют слабых и подавляют их еще сильнее. Может, мне не нужно молчать, а стоит показать ему, что у меня тоже могут быть острые зубки? Вроде и надо бы, но слишком рискованно. Между собственной защитой и безопасностью сына я однозначно выбираю второе.

Переодев Ваню, начинаю его укачивать, но он будто и не собирается больше спать. Глазенки распахнул широко-широко, головой крутит, ручками машет и что-то болтает. А моя несчастная спина уже вот-вот отвалится.

Все тело ноет от усталости, но я не сдаюсь. Кладу Ваню в кроватку, пытаясь укачать его так, но он тут же начинает плакать. Затем сажусь с ним в кресло и прикладываю к груди, но он по-прежнему полон бодрости.

Делаю последний рывок и снова начинаю ходить по комнате, качая сына на руках и напевая ему песни.

За спиной раздается тихий щелчок двери, и я оборачиваюсь. Радов собственной персоной. Что, не дождался?

— Не спит, — тихо спрашивает он, и Ваня тут же выворачивает голову в его сторону.

— Нет, — тяжело вздыхаю я, потому что рыдать уже хочется от доли в спине.

— Давай мне, — произносит он, подойдя, и тянет к Ване руки.

В другой раз я послала бы его к чертовой бабушке, но сейчас мои силы просто на исходе, и я готова принять любую помощь. Заодно и посмотрим, как Радов справится с ребенком.

Может, пойдет, что это вовсе не игрушка, удовлетворит свою потребность в отцовстве и отпустит нас?

Вручаю сына Радову и скорее плюхаюсь в кресло, ощущая невероятное облегчение.

— Ну, привет, — тихо и так ласково произносит Радов с улыбкой на губах, что мне начинает казаться, что сейчас передо мной другой человек.

Он поглаживает Ваню по животику и медленно покачивает, рассказывая ему сказку:

— Жил был король. Все у него было хорошо, только наследника не было. Но однажды в замке появилась прекрасная девушка, которая затмила его разум…

Слушаю его, а глаза слипаются, и я перестаю улавливать смысл слов, погружаясь в сон.

Просыпаюсь оттого, что земля уходит из-под ног. Испуганно распахиваю глаза и понимаю, что он взял меня на руки и несет куда-то.

— А Ваня? Я же… — лепечу я, но Радов тут же меня прерывает.

— Тише. Он уже спит. Я его укачал.

Удивительно. Я столько времени провозилась с ним, а Радов уложил его за несколько минут. Или я спала дольше?

Может, он и не такой плохой отец, как я думала. Вот только в остальном он ужасный человек. Не представляю даже, какая женщина ему может подойти. Разве что та, которая всегда держит рот на замке и беспрекословно подчиняется любому его слову.

— Поставь меня уже, я сама дойду, — фыркаю я, трепыхаясь у него на руках, желая встать на ноги.

— Мы уже пришли, — не внимая моей просьбе, Радов заходит в спальню, в которой я еще не была, заходит внутрь и относит меня на кровать. — Спи, Софи, набирайся сил. Потому что завтра тебя будет ждать очень серьезный разговор.

Глава 14

Утром просыпаюсь оттого, что солнечный свет бьет прямо в лицо сквозь раскрытые шторы. Чувствую себя такой выспавшейся, как никогда за последние несколько месяцев. Потягиваюсь, зевая, и тут у меня будто челюсть заклинивает, когда в голову ударяет мысль: Ваня всегда просыпается рано утром на кормление!

Едва продрав глаза, наспех натягиваю джинсы и выскакиваю из своей спальни и бегу в комнату сына и не нахожу его там. В голове тут же проносится куча страшных мыслей. А вдруг Радов увез его куда-нибудь, в другой дом, и теперь я не увижу своего сына?!

С вытаращенными глазами сбегаю вниз по лестнице и вдруг вижу какую-то женщину посреди гостиной с моим сыном на руках.

— Ваня! — давлюсь я собственным вскриком, подлетая к женщине и протягивая руки навстречу сыну. — Слава Богу, ты здесь, мой котик.

— Мы с Ванечкой отлично поладили, зря вы так заволновались, — улыбается она.

— А вы, простите, кто? — прищурившись, спрашиваю я.

Доверия у меня уже ни к кому нет, особенно в этом доме.

— Ой, Сонечка, доброе утро! — прямиком из кухни к нам идет Тамара Сергеевна. — Выспалась? А мы вот Ванюшку сейчас будем обедом кормить. У меня уже все готово. Идем за стол! Я и тебя покормлю.

— Я Ольга — Ванина няня, — с добродушной улыбкой отвечает женщина, пока я недоверчиво смотрю на нее и хлопаю ресницами.

— Няня? — переспрашиваю я.

— Да, — кивает она. — Меня Роман Андреевич нанял.

— Вот как… А у меня даже ничего не спросил, — бубню себе под нос.

— Вас что-то не устраивает? — на лице Ольги тут же возникает волнение.

— Нет, что вы! Да и что меня может не устраивать? Я ведь вас только сейчас увидела, даже не общалась с вами. Просто удивлена, что Роман Андреевич решил не обсуждать со мной эту тему, а решил все сам.

Хотя, почему я все еще удивляюсь подобному? Ваню не увез от меня, и на том спасибо.

— Я готова ответить на любые ваши вопросы, — прежняя улыбка появляется на лице Ольги, и она протягивает руки к Ване: — Давайте мне его, я покормлю.

— Лучше я сама, а то перепачкает еще вас. Стула для кормления у нас еще… — осекаюсь, когда вхожу на кухню, потому что стул-то уже есть.

Все Радов предусмотрел для сына: и комнату, и няню, и всевозможные принадлежности. И пусть сынок ничего еще не смыслит в этом, но вот я уже чувствую себя неуютно. В нашем доме у Вани тоже было необходимое, пусть и не в таком изобилии и не настолько навороченное. Но теперь мне кажется, будто я плохая мать, которая намеренно лишала сына всех благ.

Я обеспечивала Ваню всем, все контролировала, и только я была ответственна за него. А теперь я все больше лишаюсь контроля над ситуацией и своим сыном. Это сейчас он кроха, а через год, через два? Что будет, если мне не удастся навсегда скрыться от Радова? Буду слышать от сына, что ему у папы лучше, чем у нас, и он хочет жить с ним?

Да, пока Радов безапелляционно настаивает на том, что Ваня будет жить в его доме. Но пройдет немного времени, и он наверняка успокоится, отпустит нас домой. Просто будет видеться с сыном чаще, чем мне того хотелось бы. Чаще, чем никогда.

И если побег нам не светит, то я должна приложить все свои усилия и заставить Радова принять решение о том, чтобы мы с сыном жили отдельно. Но знаю пока, как это сделать, но что-то надо придумать. Например, поговорить с ним о том, как к такому раскладу вещей

отнесется его жена. Просто уговорами я ничего не добьюсь, а вот если вызвать у него чувство совести перед семьей.

Боже, а если они все же развелись? На что мне давить в этом случае? Нужно как можно скорее разузнать эту информацию, чтобы начать действовать. Тянуть нельзя, иначе Радов может слишком сильно прикипеть к сыну, и тогда все станет еще сложнее.

Пока Ольга кормит Ваню, я завтракаю, попутно расспрашивая о ее опыте няни. И надо сказать, Радов, действительно, постарался с выбором няни для сына. Если бы я встретила ее в агентстве, то наверняка выбрала бы именно ее.

— Спасибо, Тамара Сергеевна. Все было безумно вкусно, — благодарю я и иду к раковине помыть за собой посуду.

— Соня, зачем ты руками моешь? Здесь ведь посудомойка есть, — одергивает меня Тамара Сергеевна.

— Да мне ведь несложно, — пожимаю я плечами, намыливая тарелку. — Да и надо же мне чем-то себя занять. До этого я работала, или Ваней занималась. В квартире убиралась, в конце концов. А теперь как неприкаянная.

— Ну, помой, если очень хочется, — смеется она и приобнимет меня за плечи. — Роман Андреевич о тебе так заботится. Вон, даже няню нанял, чтобы ты больше отдыхала.

Ага, заботится… Сына собрался отнять, а меня на работу отправить, чтобы я для него шпионила. Вот и вся его великая забота.

— А, кстати, где сам Роман Андреевич? — интересуюсь я.

— Так на работу уехал, — отвечает Тамара Сергеевна. — Я когда утром пришла, он с Ваней внизу возился. Попросил меня с ним немного посидеть, пока няня не придет.

— Надо было меня разбудить, — с упреком отвечаю я. — Это ведь не входит в ваши обязанности, а Роман Андреевич бессовестно воспользовался вашей добротой.

— Ну, что ты, Сонь, мне совсем было нетрудно, — улыбается она. — Мои внучата далеко, я их редко вижу, а мне с карапузом нянчиться одно удовольствие. Так что вообще не волнуйся на этот счет.

— Спасибо вам, — искренне отвечаю я, но на душе становится грустно.

Глава 15

Столько в Тамаре Сергеевне доброты и заботы, что невольно возникают воспоминания о маме. Так не хватает мне ее… Интересно, если бы она сейчас была жива, с такой же радостью нянчила бы Ванечку. Думаю, да. Она всегда была доброй и ласковой со мной и Таей. И хоть мы росли небогато, да еще и в деревне, никогда не чувствовали себя обделенными. Мама стала еще больше работать, когда отец ушел от нас, но всегда находила время для нас сестрой. Но эта бесконечная жизненная гонка ее и подкосила…

— Сонечка, ты чего это? — жалобно протягивает Тамара Сергеевна, замечая, как слезы бегут по моим щекам.

— Да, вспомнила тут кое-что, — отмахиваюсь я, натянув улыбку, спешно смахиваю слезы и поворачиваюсь к сыну: — Ну, котик, ты покушал? Пойдем гулять?

— Я могу сама с ним… — вклинивается Ольга, но я ее тут же перебиваю.

— Нет-нет. Можете пока немного отдохнуть. Я хочу сама с ним погулять.

Ванечка — единственная родственная душа, кроме сестры. И сейчас мне просто необходимо побыть вместе с ним.

Собираю сына на прогулку и выхожу из дома, прихватив нашу коляску. Весна в самом разгаре. Деревья цветут, поют птицы, и все кругом зеленое-зеленое! И эту светлую теплую картину портят только охранники в черных костюмах, которые стоят по всему периметру дома и наблюдают за каждым моим шагом.

— Мы с тобой как две птички в золотой клетке, — вздыхаю я, глядя на сына, который с улыбкой теребит подвесную игрушку. — Но, ничего, мы из нее обязательно выберемся. И будет у нас все так, как было раньше.

— И откуда ты выберешься? — тяжелая ладонь ложится на мое плечо, а холод голоса Радова пробирает меня до костей.

— Из проблем, что свалились на наши головы, — недовольно отвечаю я, задумавшись на пару секунд, и сбрасываю ладонь Радова со своего плеча.

— У моего сына нет никаких проблем, — сухо произносит он, встав лицом ко мне. — А твои проблемы — они только твои. И ты сама нажила их на свою голову.

— Ты — моя главная проблема, — шепотом отвечаю я, чтобы не разбудить Ваню, а он уже начал ворочаться в коляске из-за наших разговоров. — Просишь шпионить, чтобы меня засадили в тюрьму? Так ведь ты от меня легко избавишься.

— Соня, я при желании могу избавиться от тебя прямо сейчас, и никакая тюрьма мне для этого не нужна, — насмехается он.

— И все же, ты просишь меня сделать очень рискованную и опасную вещь. Ты же отдаешь себе отчет в том, что меня за это по голове не погладят?

— А я и не собираюсь поручать тебе ничего криминального, — пожимает он плечами. — Я собирался обсудить с тобой это позже, но если тебе не терпится, то позови няню, пусть она гуляет с сыном, а мы с тобой поговорим. И, кстати, почему не она с ним гуляет, а ты?

— Потому что я хочу проводить с ним время! Это вполне естественно, — хмыкаю я. — Потому что он для меня не какая-то игрушка, которую я хочу спихнуть на всевозможных нянь и довольствоваться лишь фактом, что у меня есть сын. Я нуждаюсь в нем, как и он во мне. Но тебе этого, видимо, никак не понять. Ты просто притащил его в свой дом, чтобы твое было при тебе. И все!

— Я укладывал его спать прошлой ночью и утром был с ним, пока ты спала. Так что ты сейчас говоришь очень странные вещи, лишь бы упрекнуть меня хоть в чем-то. Потому что тебе сложно признать тот факт, что ты облажалась и хотела лишить ребенка нормальной жизни и любящего отца, — надменно отвечает Радов.

Виновато поджимаю губы и опускаю взгляд. На первый взгляд он, конечно, прав. Но долго ли будет это продолжаться? Поиграется с ним немного, и на этом все быстро закончится. Сейчас он играет роль хорошего и заботливого отца, возможно, чтобы просто меня уколоть. Но я-то знаю, что он совсем не такой, и меня он больше не обманет лживой личиной.

Молча ухожу, пока Радов покачивает коляску с сыном, зову Ольгу на улицу и, передав ей присмотр за Ваней, вместе с Радовым иду в дом в его кабинет.

— Что ты от меня хочешь? Рассказывай, — тороплю его, пока он вальяжно стягивает с себя пиджак, галстук и расстегивает две верхних пуговицы на рубашке.

— Присаживайся, — жестом руки он указывает мне на стул напротив его рабочего стола, а сам располагается в кресле.

Недовольно вздыхаю, но все же сажусь напротив Радова. Все, как в старые времена, когда он был моим боссом, а я — его помощницей. И если бы мне тогда сказали, что меня будет ждать через два года, я бы ни за какие деньги не согласилась на ту работу!

Уж лучше бы так и жила на съемной квартире, зато сейчас наверняка была счастлива с другим мужчиной, а не оказалась в такой ситуации. Правда, тогда у меня не было бы Вани, и сейчас я уже не могу себе представить жизни без него. И если я за что-то и благодарна Радову, так это только за сына.

— Я слушаю, — вновь повторяю я. — Что надо будет делать?

— Несколько месяцев назад кто-то слил информацию по проекту, — произносит он и вдруг прищуривается. — К которому ты, кстати, тоже была причастна. Первое, что я хочу узнать — кто именно слил информацию. Это будет непросто, но я уверен, что ты справишься. А, может, ты уже прямо сейчас сможешь дать мне ответ? — он изгибает бровь, а его надменный взгляд и жестокая ухмылка подсказывают мне, что он обвиняет во всем этом меня.

— Ты это сейчас серьезно? — я просто не могу поверить своим ушам.

Конечно, он считает меня предательницей, которая ушла от него к Усманову, но обвинять меня в сливании проекта, который мы вели вместе — это уже предел.

— Конечно, — уверенно кивает он. — Ты ведь работаешь на Усманова и в курсе его дел. К тому же ты не могла не заметить, что один из его проектов удивительно похож на мой.

Видимо, все-таки не меня обвиняет.

— Я понятия не имею, о чем ты сейчас говоришь, — твердо отвечаю ему. — Я физически не могу быть в курсе всех дел Усманова. Вполне возможно, что я была в декретном отпуске, когда он реализовывал твой проект. Если это, конечно, вообще правда, и ты не решил его безосновательно обвинить в краже.

— По-твоему, я идиот? — вмиг вспыхивает Радов и наклоняет свой корпус вперед, демонстрируя мне злобный оскал.

— Я такого не говорила, — мотаю головой. — Но, согласись, ты предвзято относишься к Усманову. И только и делаешь, что ищешь повод его очернить.

— Он забрал у меня то, что было для меня очень важно, — чеканит он по слогам. — И обязательно ответит за это. Будь уверена.

— От меня-то ты чего хочешь? Даже если ты говоришь правду, как считаешь, сообщит ли мне кто-нибудь о том, кто доносчик? — усмехаюсь я. — Ты ведь не на столько наивен, правда? Такие вещи не раскрывают.

— Ты же умная девочка, придумаешь что-нибудь, — усмехается Радов. — Окрутишь его, запудришь ему мозги и узнаешь, что требуется.

— Требуется не мне, а тебе, — поправляю его. — И за кого ты меня вообще держишь? Ты думаешь, я буду спать с Усмановым ради того, чтобы помочь тебе?

— Ты же спала со мной, когда тебе это было выгодно, — пренебрежительно отвечает Радов и морщится.

— Да что я вообще здесь делаю? — я уже просто задыхаюсь от возмущения и подрываюсь с места, чтобы уйти. — О чем мне с тобой говорить?! Ты меня оскорбляешь, чуть ли не шлюхой продажной называешь, а я после такого должна еще что-то делать для тебя? Да пошел ты к черту! Разбирайся со своими проблемами сам!

Глава 16

Разворачиваюсь и быстро иду к выходу из кабинета. Еще немного, и я просто придушу этого гада. Нет, мой сын не должен расти рядом с этим чудовищем! Иначе он может стать таким же, как и он.

— Я никуда тебя не отпускал, — басит Радов, уперев ладонь в дверь прямо перед моим лицом. — Еще одна подобная выходка, и ты точно уйдешь, но уже из этого дома и насовсем.

Он просто в гневе. Челюсти крепко сжаты, а карие глаза кажутся почти черными. Грязь так и прет из его души.

— И? — гордо вздергиваю подбородок и складываю руки на груди, демонстрируя Радову, что я вовсе его не боюсь, хотя на деле это совсем не так. — Выставишь меня, и что дальше? Что ты будешь делать с моим сыном?

— В каком это смысле? — непонимающе хмурится он.

— А в самом прямом! Это не твой сын, Рома, не твой! Со дня на день ты получишь результаты теста и сам в этом убедишься. И что ты будешь делать тогда? Оставишь чужого ребенка себя, лишь бы что-то сделать мне назло?

— Ты снова запела ты же песню? — он кривит губы, очевидно, не верит мне.

Но я устала. Жутко устала от этих оскорблений и обращения, как с женщиной последнего сорта.

— Ты так хотел поверить в ложь, которую сам же сочинил. И я решила подыграть тебе и посмотреть, что же ты сделаешь, — зло усмехаюсь я. — Но мне уже надоела эта игра. Надеюсь, и ты наигрался в отца. Так что хватит издеваться надо мной и самим собой. Мы оба ненавидим друг друга, мы не можем находиться рядом. Ты ведь тоже это видишь и понимаешь, правда ведь? А моему сыну не пойдет на пользу находиться в такой атмосфере.

— Играешь, значит, со мной? — рычит он и с глухим ударом бьет ладонями по деревянной глади двери, заставляя меня вздрогнуть. — А не боишься, что я поиграю с тобой?

— А чего мне бояться? — хмыкаю я и поджимаю губы. — Ты только этим и занимаешься. Я — твоя игрушка, твое развлечение. Как и мой сын.

— Игрушка, значит, — тихо усмехается он, прищурившись. — Тогда я использую тебя по назначению.

Через мгновение Радов подхватывает меня под бедра, задрав платье, и я отчаянно начинаю вырываться. Сажает меня на край стола и рывком дергает за край трусиков, которые больно впиваются в кожу и с треском разрываются на мне.

— Что ты делаешь? Пусти! — в ужасе выкрикиваю я, пытаясь отпихнуть от себя Радова, что вообще мне не по силам, и я это прекрасно понимаю.

— Ну, нет, — шипит Радов, с силой прижав меня к себе. — Ты же сама назвалась моей игрушкой. А за свои слова нужно отвечать, дорогая.

— Я тебе не дорогая! Пусти! — кричу я, но Радов крепко прижимает ладонь к моим губам.

Из-за паники начинаю задыхаться, будто дыхание и вовсе перекрыли. Воздуха в легких не хватает, а носом просто не могу вдохнуть достаточно воздуха. Голова кружиться, перед глазами все плывет, а бляшка ремня от мужских брюк со звоном ударяется о край стола.

Силы меня вмиг покидают, накрывает отчаяние. Перестаю дергаться и вырываться, потому что четко осознаю: в этом нет никакого смысла. Радов все равно сильнее меня.

— Ну, что? Нравится тебе играть? — зло рычит он в мои губы, а затем накрывает их жадным поцелуем.

Я словно обезумевшая вцепляюсь зубами в его нижнюю губу, и Радов тут же отскакивает от меня, прикрывая ее рукой.

— Сумасшедшая! — выпаливает он и глядит на ладонь. — До крови прокусила!

— Заслужил! — выкрикиваю, быстро спрыгиваю со стола, одергиваю юбку и со всех ног бегу к двери, пока Радов снова меня не задержал. — И кто из нас тут сумасшедший, так это ты!

Захлопываю за собой дверь и сбегаю вниз по лестнице. Сердце грохочет в груди, пульс бьет в виски, а я еле держусь на ногах, которые сами меня несут на улицу к сыну.

— София, не волнуйтесь, у нас все хорошо, — встревоженно лепечет Ольга, когда я подхватываю сына из коляски.

— Да-да, все хорошо, — бормочу себе под нос, оглядываясь по сторонам.

Нигде не вижу охранников, которые еще недавно стояли на каждом углу. Видимо, Радов отпустил их куда-то, когда вернулся домой. Тем лучше для меня.

Едва соображая, бегу к воротам с Ваней на руках. Что делать дальше? Куда бежать? У меня ведь ни телефона, ни денег. Плевать! На все плевать! Мир не без добрых людей, наверняка кто-нибудь, да подберет нас на дороге. Главное сейчас — выбраться отсюда.

Дергаю на себя калитку, запоздало заметив, что на ней магнитный замок. А в следующую секунду слышу рев Радова за спиной:

— София!

Бесконечное отчаяние накрывает меня с головой, и я без сил опускаюсь на холодную землю. Слезы вырываются из глаз вместе с шумными всхлипами, а сынок вертится у меня на руках, наклоняется вниз и тянется ручками к травке.

— Отдай мне ребенка, — сурово произносит Радов, склонившись надо мной.

— Я не отдам тебе своего сына, — рыдаю , прижимая Ваню еще крепче к себе. — Ты не имеешь на него никакого права! Он не твой сын, не твой!

Я уже сама не верю в их родство. Просто не хочется верить, что такая сволочь, как Радов, может быть отцом моего ребенка! Но, к огромному сожалению, мое желание и вера никак не могут повлиять на действительность. И сейчас я словно рыба, выброшенная на сушу, которая отчаянно желает добраться до воды. Вот только до нее слишком далеко, а я уже задыхаюсь.

— Вставай, — повелительно произносит Радов и подхватывает меня под руки.

— Не трогай меня! Не прикасайся! — словно ошпаренная, подскакиваю на ноги и отшатываюсь от него. — Ты — моральное чудовище! Собирался изнасиловать меня, а я ведь…

А что я? Была о нем лучшего мнения? Нет. Рассчитывала, что добьюсь иного эффекта от своих слов? Ближе к истине, но сейчас я думаю все же о другом…

Каким бы чудовищем ни был Радов, я все равно продолжала его любить. Но после того, что он собирался сделать сегодня… Вообще не понимаю, что испытываю к нему теперь. Слишком много сейчас эмоций в душе, и все они перемешались в непонятную кашу. Но одно я знаю точно: любить его теперь я просто не могу.

— Иди в дом, София, вместе с сыном, — холодно отзывается Радов, пронзая меня недобрым взглядом. — Сегодня тебе больше не позволено покидать дом. А завтра я получу результат ДНК-теста с подтверждением, что сын мой, и сразу после этого решу твою судьбу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.